

Джон Лильберн

ПАМФЛЕТЫ

Государственное
социально-экономическое издательство
Москва — 1937

Веб-публикация: [Vive Liberta](#), 2012
Ссылки на тематически связанные материалы
даны нами после вступительной статьи.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В.Семенов. Предисловие

Открытое письмо Дж.Лильберна
тюремщикам Флитской тюрьмы (4 октября 1640 г.)

Защита прирожденного права Англии (10 октября 1645 г.)

Новые цепи Англии (26 февраля 1649 г.)

Вторая часть Новых цепей Англии (24 марта 1649 г.)

Манифест Дж.Лильберна, У.Уольвина, Т.Принса и Р.Овертона
Из Тоуэра (14 апреля 1649 г.)

Соглашение свободного народа Англии (1 мая 1649 г.)

Предисловие

Джон Лильберн родился в 1618 г. Его отец Ричард Лильберн, мелкопоместный дворянин, имел небольшое имение в северном графстве Англии Дергем. Здесь же, на севере, прогекло детство Лильберна; здесь же, в месгных городах, он получил первоначальное образование. Но его школьное образование продолжалось недолго. По распространному тогда в среде английского джентри обычаю усгравать младших сыновей в торговле или промышленности, Джон Лильберн был отправлен отцом на вучку к одному богатому лондонскому сукноторговцу. В последние годы ученичества, продолжавшегося семь лет, Лильберн выполнял самостоятельно поручения своего хозяина, в частности, не раз совершал торговые поездки в Голландию. Жизнь в шумном столичном городе, возможность бывать за границей, а также частые посещения лондонской биржи, где можно было встречать людей самых различных наций, — все это должно быто оказать немалое влияние на быстрое развитие юноши Лильберна.

30-е годы XVII в., когда формировались характер и мировоззрение Лильберна, были замечательными годами в истории Англии. Страна

была накануне буржуазной революции. Выросшая и окрепшая буржуазия все более тяготилась королевским абсолютизмом. Еще с начала XVII в. буржуазная оппозиция вела упорную борьбу с королевскими министрами, требуя реформ и отказа правительству в сборе налогов без разрешения парламента. В 1629 г., в результате особенно резкого столкновения с оппозицией, король Карл I разогнал непокорный парламента, после чего в течение 11 лет правил самовластно без представительного учреждения. Королевские министры незаконно собирали налоги и без всякого стеснения сдавали на откуп торговые и промышленные монополии. «Прямые посягательства Карла I на свободную конкуренцию все более и более подтачивали торговлю и промышленность Англии» (Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 278). В качестве послушного орудия абсолютизма большую роль играла английская государственная епископальная церковь. Стоявший во главе ее архиепископ Лоуд обрушивался свирепыми преследованиями на всех уклонявшихся от установленного культа и пытавшихся создать независимые от абсолютистского государства религиозные общины. Священникам предписывалось с церковных кафедр защищать и оправдывать королевский деспотизм. Однако число недовольных казенной церковью все увеличивалось. *Пуританство* — широкое общественно-религиозное движение, начавшееся еще в конце XVI в. и включавшее в себя самые различные секты — от умеренных до самых крайних, — находило все большее распространение в среде буржуазии, близкого к ней нового предпринимательского дворянства, части крестьян и городских плебейских элементов. Лоуд

и его окрестности оказались особенно восприимчивы к новой идеологии, в религиозной форме отражавшей протест против феодально-абсолютистского строя. Впечатлительный, страстно увлекающийся Лильберн быстро оказался захваченным новым течением. Он лично познакомился с наиболее выдающимися пуританскими учителями, с жадностью поглощал пуританскую литературу, обычно печатавшуюся в Голландии, и скоро сам принял участие в транспорте и распространении запрещенных памфлетов. Епископским шпионам удалось, однако, выследить конспиративную деятельность Лильберна, и в декабре 1637 г. он был арестован. Деятельный Лильберн на допросе держался очень смело, спорил со следователем и в конце концов категорически отказался отвечать на вопросы. Звездная палата — специальное учреждение по борьбе с религиозными и политическими преступниками — присудила его к высокому штрафу в 500 фунтов стерлингов, публичному бичеванию и выставлению к позорному столбу. Свирепый приговор был приведен в исполнение 18 апреля 1638 г., после чего Лильберн был снова брошен в тюрьму, где и пробыл до начала революции. Лишь в мае 1641 г. он был освобожден по распоряжению нового, так называемого Долгого, парламента (собравшегося в конце 1640 г. и существовавшего до 1653 г.). Первый из публикуемых ниже памфлетов, «*Открытое письмо Джона Лильберна к тюремщикам Флитской тюрьмы*» (написанное 4 октября 1640 г.), ярко изображает условия содержания политических заключенных в дореволюционной Англии, а также дает представление о несокрушимой энергии молодого Лильберна.

Летом 1612 г. в Англии началась гражданская война парламента с королем. Страна разделылась на два враждебных лагеря: развигый в торговом-промышленном отношении юго-восток, во главе с лондонской буржуазией, составлял области парламента; отсталый феодальный северо-запад держал сторону короля, переселившегося со своим двором из Лондона в Оксфорд. Джон Лильберн, естественно, не мог остаться в стороне от событий и принял в гражданской войне самое активное участие. В качестве младшего офицера он храбро сражался в нескольких битвах против кавалеров¹ и в одной из них был ранен. Победа в первые годы войны склонялась на сторону роялистов, которые угрожали захватить самый Лондон. В ожесточенной схватке при Brentфорте, близ Лондона, Лильберн был взят в плен (ноябрь 1642 г.). Кавалеры приговорили уже его к расстрелу, но в результате вмешательства парламента, предложившего обмен пленными, он был освобожден. По освобождении из плена Лильберн снова продолжал служить в парламентской армии. В 1644 г. он был уже подполковником и участвовал в крупной битве при Марстон-Муре (2 июля 1644 г.), где парламентские войска нанесли первое ршительное поражение войскам роялистов. Начавшаяся борьба в рядах сторонников самого Долгого парламента заставила Лильберна весной 1645 г. оставить армию. Пуритане, действовавшие единым фронтом против абсолютизма в ранний период революции, к этому времени раскололись на два враждующих лагеря. Против господствующей в Долгом парламенте *пресвитерианской* партии (пар-

тии крупнейшей, преимущественно лондонской, торговой буржуазии) выступила другая партия — *индепендентов*, — партия средней и мелкой торговом-промышленной буржуазии и ее союзника — нового дворянства, опиравшаяся в то же время и на демократические элементы — крестьянство, городские плебейские элементы. У Лильберна, сразу же занявшего место на левом фланге индепендентской партии, скоро возник крупный конфликт с пресвитерианским военным начальством — влиятельным лордом Манчестером и его правой рукой — полковником Книгом. Поддерживаемый Кромвелем, с которым он тогда находился в дружественных отношениях, Джон Лильберн резко критиковал поведение пресвитерианских лидеров, обвиняя их в сочувствии к кавалерам, недостаточной энергии и прямой измене делу парламента.

Выйдя в отставку, Лильберн продолжал бороться с пресвитерианами, критикуя их политику нетерпимости в церковном вопросе. Он протестует против преследований пресвитерианами крайних индепендентских сект, стеснения печати, сохранения церковных десятин и установления, вместо старой епископальной, новой государственной принудительной пресвитерианской церкви. На этом основании он отказался подписать так называемый ковенант — союзный договор Англии с Шотландией для борьбы с королем, так как им предусматривалось установление пресвитерианства в обеих странах. От религиозной кригики и выступлений против отдельных лидеров пресвитерианской партии Лильберн скоро перешел к критике деятельности самого Долгого парламента, руководимого пресвитерианами. О характере этой кри-

¹ Кавалеры — сторонники короля, роялисты.

тики достаточное представление дает другой публикуемый памфлет — «Защита прирожденного права Англии» (датированный 10 октября 1645 г.). Памфлет подчеркивает верховную власть парламента, но одновременно считает, что сам парламент связан определенными основными законами, гарантирующими вольности нации, отменить которые он (парламент) не имеет права. В числе реформ, предлагаемых Лильберном, стоят: реформа суда, установление полной религиозной свободы и свободы печати, уничтожение всех торговых монополий. Памфлет был написан Лильберном уже в Ньюгетской тюрьме (в Лондоне), в которую он был заключен по постановлению парламента 19 июля 1645 г. В середине октября он был освобожден, но его нападки на палату лордов, за которой он не признавал ни права высшего суда, ни права верховного законодательства, повели к новым репрессиям. 11 июня 1646 г. раздраженные лорды, при явном попустительстве Долгого парламента, приговорили Лильберна сразу к нескольким наказаниям: огромному штрафу в 4 000 фунтов стерлингов, заключению в Тоуэр (замок в Лондоне) на семь лет и лишению права занимать в течение всей жизни какую-либо гражданскую или военную должность. Но Джон Лильберн и из тюрьмы продолжал свои разоблачения пресвитерианского правительства. В том же духе писали его лондонские друзья памфлетисты Уильям Уольвич, Ричард Овертон, Томас Принс и другие.

К началу 1647 года вокруг Лильберна сложилась группа демократов, послужившая ядром для образования новой демократической партии, отколовшейся от индепендгов. Большое число сторонников Лильберна было в самом Лон-

доне и его окрестностях, чему немало способствовала давнишняя популярность Лильберна в массе лондонских ремесленных подмастерьев и учеников; но не менее велик был авторитет Лильберна и среди солдат кромвелевской армии, все более подпадавших под влияние «идей общего (равного) права». Летом 1647 г. в армии политическая жизнь была ключом. Кавалеры были разбиты. Сам Карл I находился в плену у парламента. Встал вопрос о выработке новой конституции и проведении ряда социально-экономических реформ, которые удовлетворили бы интересы крестьян и ремесленников, сражавшихся против короля. Солдатская масса, организовавшаяся с весны 1647 г. в особые солдатские (полковые и общевойсковые) советы, принимала живое участие в обсуждении политических вопросов. Однако в армии скоро произошел раскол. Индепендентские генералы и высшие офицеры пытались в течение 1647 г. еще договориться с пленным Карлом I, надеясь восстановить его в качестве конституционного монарха. Выбрасывая новый проект конституции, индепенденты исключили предоставление избирательных прав широким массам. Это вызвало протесты со стороны наиболее сознательных солдат и демократической части офицерства. На армейской конференции агитаторов (делегатов от различных полков) вместе с генералами и офицерами, происходившей в местечке Петти в окрестностях Лондона 28 октября — 11 ноября 1647 г., *левеллеры*¹, «ученики Лильберна», выступали как

¹ Название «левеллеры» («уравнители») было дано последователям Лильберна за их учение о *равном* для всех праве перед законом, но оно имело в виду также подчеркнуть опасность этого учения для частной собствен-

уже вполне оформившаяся партия со своей собственной политической программой, изложенной в форме так называемого агриमेंта (Agreement of the People), или *Народного соглашения*. Левеллеры требовали в ней установления республики и предоставления широкого избирательного права. Кромвель и другие индепендентские лидеры резко выступали против левеллерского проекта, считая его опасным для частной собственности. Не договорившись с индепендентами на конференции, левеллеры пытались добиться принятия армией агриमेंта путем непосредственного обращения к солдатской массе. 15 ноября 1647 г. происходило собрание части армий близ Уэра (в графстве Гертфорд, около 25 км от Лондона), на котором несколько наиболее распространявших левеллерами полков *потребовали* от командования принятия Народного соглашения в качестве новой английской конституции. Кромвель увидел в этой солдатской демонстрации не что иное, как бунт, и решил немедленно подавить его. Он арестовал ряд солдат-левеллеров, а одного из них приказал расстрелять.

Хотя Лилльберн придавал большое значение этой солдатской демонстрации (он даже сам выезжал в Уэр и агитировал среди солдат, воспользовавшись временным освобождением из тюрьмы, откуда он был отпущен на поруки), — неудача уэрского выступления не сломила его энергии. Новая партия продолжала привлекать все большее число сторонников. Сами индепенденты

ности. Левеллерами в Англии еще в начале XVII в. навывались крестьяне, восстававшие против огораживаний и ниспровергавшие изгороди, возведенные помещиками на общинных полях,

скоро почувствовали необходимость союза с левеллерами, когда оказались перед угрозой новой гражданской войны с кавалерами (с весны 1648 г.). Между обеими партиями произошло примирение. Разжалованные офицеры-левеллеры были возвращены на свои посты. Левеллеры, забыв преследования, оказывали индепендам энергичную поддержку в подавлении кавалерского мятежа. При таких обстоятельствах 2 августа 1648 г. Лилльберн, по постановлению парламента, был освобожден из тюрьмы, а приговор о нем палаты лордов аннулирован. Выпуская Джона Лилльберна на свободу, пресвитерианские лидеры явно рассчитывали на то, что он по освобождении начнет немедленно нападки на индепендентов, в частности, на Кромвеля, и таким образом соглашение, установившееся между двумя партиями в связи с войной против «общего врага» — кавалеров, будет сорвано. Однако Лилльберн в этот момент еще доверял Кромвелю. По выходе из тюрьмы он обратился к Кромвелю с письмом, в котором писал: «Будьте уверены, что если я когда-нибудь подниму на вас руку, то это случится лишь тогда, когда вы будете прославлены и покинете пути правды и справедливости. Если же вы решительно и беспристрастно захотите идти по этим путям, то я, несмотря на все ваши прежние жестокие меры против меня, до последней капли крови ваш — Джон Лилльберн». Лилльберн надеялся склонить Кромвеля и других вождей индепендентов принять свой проект Народного соглашения. Обсуждение левеллерского проекта новой конституции происходило в особой согласительной комиссии из представителей обеих партий с участием самого Лилльберна в течение

последних месяцев 1648 г. Однако переговоры оказались бесплодными. Индепендентские «гранды» в действительности вовсе не хотели прозедения демократической конституции и старались переговорами лишь выиграть время, до тех пор пока им не удалось захватить власть в свои руки.

К концу 1648 г. роялисты были окончательно разбиты. 6 декабря 1648 г. офицерами армии была произведена радикальная чистка парламента от пресвитериан (так называемая «чистка Прайда»), 30 января 1649 г. был казнен король, и в Англии установилась республика. Исполнительная власть была поручена властному Государственному совету, в котором большинство членоз также было из индепендентов. Захватив власть, индепенденты резко изменили отношения с левеллерами и грубо нарушили свои прежние обещания относительно агримента. Вместо того чтобы передать Народное соглашение на народный референдум, как этого требовали левеллеры, проскт из согласительной комиссии был перенесен на обсуждение офицерского Военного совета, где подвергся серьезным изменениям. Когда Новое соглашение в таком искаженном виде было представлено в январе 1649 г. в парламент, Лильберн и его друзья выступили с решительным протестом. Острую критику офицерского агримента, а также полное освещение взаимоотношений левеллеров и индепендентов за период 1647—1649 гг. Лильберн дал в двух наиболее блестящих памфлетах, включенных в настоящий сборник, — *«Новые цепи Англии»* (датированы 28 февраля 1649 г.) и *«Вторая часть Новых цепей»* (от 24 марта 1649 г.). Оба памфлета написаны в форме пе-

типий, обращенных к Долгому парламенту от имени «благомыслящих жителей» города Лондона и его предместий. Указывая на опасность военной диктатуры, Лильберн требовал в первую очередь упразднения Государственного совета, «угрожающего так явно тиранией» («Новые цепи»), а также созыва нового народного представительства, «справедливо избранного» согласно принципам Народного соглашения («Вторая часть Новых цепей»). В ответ на «скачдалыые и мятежные» памфлеты Лильберн и его друзья Уольвин, Овертон и Принс 28 марта 1649 г. были снова включены в Тоуэр.

Арест Лильберна и других вождей левеллеров вызвал большое возбуждение в Лондоне, а также среди солдат армии. Уже 30 марта парламенту была подана петиция, подписанная 30 000 человек, в которой содержался протест против военной диктатуры и требовалось назначение открытого суда для разбора обвинений, предъявленных Джону Лильберну. Со своей стороны, не дремали и враги левеллеров, обвиняя Лильберна и его партию во всевозможных преступлениях, в связях с иезуитами, в атеизме, анархизме, в стремлении уничтожить всякую частную собственность. В таких условиях Лильберн и его друзья решили опубликовать *«Манифест левеллеров»* (от 14 апреля 1649 г.), в котором подробно отвечали на возводимые на них обвинения. Манифест имеет исключительное значение для понимания социальных взглядов левеллеров; в нем, между прочим, ясно отразилось их отношение к частной собственности. Последняя ими признавалась, а не отвергалась, в противоположность другой ветви левеллеров — так называемых «истинных левелле-

ров, или диггеров, выступавших в конце 1648— начале 1649 г. в различных, главным образом центральных, графствах Англии и проповедовавших аграрный грубоуравнительный коммунизм. С той же целью уяснить, какие конечные цели преследуют левеллеры и «что в них главное», вожди левеллеров опубликовали 1 мая 1649 г. новую наиболее полную редакцию Народного соглашения. «Соглашение свободного народа Англии» подводит итог всей левеллерской публицистике и дает самое систематическое изложение политических взглядов Джона Лильберна. Этими двумя итоговыми памфлетами мы и заключаем наш сборник.

Дальнейшая судьба «честного Джона» была глубоко трагична. Предпринятое левеллерами в конце апреля— начале мая 1649 г. новое восстание против индепендентов (несмотря на его широкие размеры — на стороне левеллеров было не менее шести полков) было подавлено. Лильберн с друзьями продолжал томиться в Тоузере. Когда в сентябре 1649 г. было подавлено еще одно возмущение солдат, расквартированных в Оксфорде, причем правительство обнаружило связь восставших с лондонскими подмастерьями, поклонниками Лильберна, Джон Лильберн и его товарищи были преданы суду по обвинению в государственной измене как «подстрекатели к мятежу». Суд, состоявшийся 24—25 октября 1649 г., оказался, однако, полным триумфом для Лильберна. Ведя сам свою защиту на основе старого статутного права, Лильберн выгодно использовал факт отсутствия против него свидетелей, которые могли бы указать на его непосредственную причастность к мятежу. Но самое главное — было настроение присяжных, к справедливости и

полномочиям которых вызвал подсудимый, что вместе с сочувствием к нему многочисленной присутствовавшей на суде толпы народа имело последствием полное оправдание Лильберна, а также Уольфина, Овертона и Принса. Когда был выслушан оправдательный приговор, толпа разразилась в честь его длительными и шумными овациями, а вечером Лондон был иллюминирован. По постановлению лондонского городского совета, была выбита даже медаль с изображением «свободнорожденного Джона» и именами оправдавших его присяжных. Левеллеры торжествовали. Но, по существу, это было последним крупным успехом Джона Лильберна.

Утомленный тюремным заключением и уставший от политической борьбы, Лильберн по освобождении из тюрьмы на некоторое время целиком погрузился в частную жизнь. В 1650 и 1651 гг. он проживал в своем родном графстве, где открыл мыловаренное заведение. Но уже в 1651 г. он вступил в тяжбу с крупным индепендентским вельможей сэром Артуром Гезльригом, членом Государственного совета и одновременно ньюкестльским губернатором. Борьба с всемогущим «грандом», которого Лильберн смело изобличал в коррупции, хищениях и произволе, была использована врагами Джона, воспользовавшимися случаем, чтобы окончательно устранить его со сцены. На сторону Гезльрига стал сам Долгий парламент. В январе 1652 г. за петицию против Гезльрига, написанную Джоном Лильберном и поданную в парламент одним из его друзей, палата приговорила Лильберна к чудовищному штрафу в 7 000 фунтов стерлингов и изгнанию его навсегда из Англии. Почти полтора года Лильберн прожил в Гол-

ландии. 20 апреля 1653 г. в Англии произошел новый переворот: Кромвель разогнал Долгий парламент, потерявший к этому времени популярность даже в индипендентских кругах, и созвал новое собрание из представителей индипендентских религиозных общин, так называемый «Парламент святых», куда вошли частично и левеллеры. Лильберн считал для себя возможным при изменившемся политическом положении вернуться в Англию. Однако немедленно по возвращении (15 июня 1653 г.) он был арестован и предан суду. Новый суд, происходивший 13—20 августа 1653 г., так же, как и суд 1649 г., оправдал Лильберна. Тем не менее, Государственный совет отказался освободить его. В 1654 г. измученный Лильберн был переведен из Тоузэра в замок на острове Джерси, а отсюда в Дуврский замок, где и пробыл почти до самой смерти. Джон Лильберн умер 29 августа 1657 г., когда ему еще не было 40 лет. Незадолго до смерти он вступил в мистическую секту квакеров, или «друзей внутреннего света», отрицавшую политическую борьбу и метод насилия¹. К этому времени мелкобуржуазная левеллерская партия почти полностью распалась. В стране уже несколько лет царила откровенная военная диктатура «протектора» Кромвеля. Индипендентская партия, когда-то бывшая в союзе с демократическими массами, выродилась в партию крупного капитала,

¹ Квакеры было очень много при протекторате Кромвеля (1653—1658), когда они подвергались сильным гонениям за свою обличительную пропаганду. В дальнейшем, в конце XVII и в XVIII вв., квакерство утратило свои революционные черты, превратившись из оппозиционной мелкобуржуазной секты в мирное буржуазное религиозно-филантропическое течение.

беспощадно преследовавшую остатки демократических организаций.

Несмотря на поражение левеллерской партии и глубоко трагическую судьбу ее вождя Джона Лильберна, левеллеры сыграли громадную роль в ходе английской буржуазной революции. Энгельс в одной из своих поздних статей так писал о роли народных масс в английской революции: «В кальвинизме¹ нашло себе готовую теорию борьбы второе крупное восстание буржуазии. Это восстание имело место в Англии. Городская буржуазия дала ему первый толчок, а среднее крестьянство, йоменири (yeomanry) сельских округов отвоевало победу... Во всяком случае, только благодаря вмешательству этих йоменири и плебейских элементов городов борьба была доведена до решительного конца, и Карл I был возведен на эшафот» (Энгельс, Об историческом материализме. Сборник «К. Маркс, Избранные произведения», т. I, стр. 312, изд. 1934 г.).

Огражая интересы народных масс, левеллеры способствовали наибольшему углублению революции и наибольшему выкорчевыванию феодализма. Левеллеры, раньше чем какая-либо другая партия, потребовали уничтожения королевской власти, отмены палаты лордов, объявления Англии республикой, предоставления широкого избирательного права. И индипенденты в своих актах конца 1648 — начала 1649 гг. — удаление из парламента пресвитериан, казнь короля, отмена палаты лордов и провозглашение Англии респуб-

¹ Кальвинизм — общественно-религиозное движение, названное по имени французско-швейцарского церковного реформатора Жана Кальвина (1509—1564); английские и шотландские пресвитерианцы были кальвинистами.

ликой — фактически осуществляли то, чего левеллеры требовали еще почти за два года до этого. В социально-экономической программе левеллеров имелись такие требования, как полная свобода торговли и промышленности, возвращение крестьянам отнятых у них ооцинных земель, превращение копигольда (зависимого от помещика оброчно наследственного держания) в полную крестьянскую собственность. Выдвигаая проект новой конституции, в результате которой в Англии должна была быг установлена демократическая республика, левеллеры тем самым ставили задачу разрушения до конца феодально-сословного строя Англии и обеспечения стране свободного капиталистического (без пережитков феодализма) развития. Именно в этом состоит самое важное историческое значение их проекта.

В оценке современных ему событий Лильберн не во всем был прав. В частности, его оценка Кромвеля периода 1648—1649 гг. носит односторонний и потому неправильный характер: во всех действиях крупнейшего вождя английской революционной буржуазии он усматривал только личное честолюбие, гордыню и лицемерие; Лильберн не понимал неизбежности и необходимости чрезвычайных, диктаторских мер и недооценивал той революционной роли, которую сыграл Кромвель в ниспровержении старого порядка. В беседе с английским писателем Г. Уэллсом товарищ Сталин говорил: «Вспомните историю Англии XVII века. Разве не говорили многие, что сгнил старый общественный порядок? Но разве тем не менее не понадобился Кромвель, чтобы его добить силой?» (И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, 1935 г., стр. 603).

Также мы не можем согласиться с Лильберном, когда он, сравнивая три партии — кавалеров, пресвитериан и индепендентов, — готов видеть в индепендентах «наибольшее зло»: «намерения этих людей (т. е. индепендентов. — В. С.)... превосходят по своему характеру и размеру всю порочность обеих партий, вместе взятых» («Вторая часть Новых цепей»). Здесь Джон Лильберн явно теряет историческую перспективу, не учитывая моменты прогрессивности буржуазной индепендентской республики по сравнению с предшествовавшим ей строем.

Но Лильберн был глубоко прав, когда он в своих памфлетах отмечал нежелание победившей индепендентской партии провести реформы в интересах масс, помогших буржуазии стать у власти.

В выступлениях Лильберна и левеллеров ярко отразилось характерное противоречие буржуазных революций, когда буржуазия, приходящая к власти *при помощи* народных масс, *после победы* вступает в резкое прогизоречие с этими демократическими массами.

«Буржуазия уже с самого начала, — писал Энгельс, — носила в себе своего будущего противника: капиталисты не могли существовать без наемных рабочих, и те самые условия, в которых средневековый цеховой мастер развился в современного капиталиста, заставили цехового подмастерья и не принадлежащего к цеху поденщика превратиться в пролетария. И хотя требования, которые защищало третье сословие *в своей борьбе с дворянством*, в общих чертах действительно соответствовали интересам различных слоев трудящегося населения того времени, тем не менее при каждом крупном восстании горожан всдывало

самостоятельное движение того слоя, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таково было движение перекрещенцев и Томаса Мюнцера в эпоху реформации и крестьянских войн в Германии, левеллеров — во время английской революции, Бабефа — во время французской» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XIV, стр. 18). Дальнейшие события полностью подтвердили также опасения Лильберна относительно установления в Англии военной диктатуры. Во «Второй части Новых цепей» Лильберн еще в начале 1649 г. с удивительной прозорливостью писал: «Из последних их (офицеров. — В. С.) действий можно ясно заключить, что власть их в конце концов будет единоличной. Какова будет ее форма, это покажет время».

Политические взгляды Лильберна весьма интересны с точки зрения развития теории буржуазного демократизма. Часть еще в зародыше, часть уже в развитом виде в произведениях Лильберна и его единомышленников можно встретить все идеи, нашедшие свое классическое выражение в многочисленных декларациях и конституциях американской и французской буржуазных революций XVIII в. Таковы идея народного суверенитета (народ — источник всякой власти), теория общественного договора и естественного права, писаная конституция и основные неотчуждаемые права народа, всеобщее избирательное право и референдум, республиканская форма правления, разделение властей (законодательная, исполнительная, судебная власти и их независимость друг от друга), личная свобода — свобода религиозных верований, печати, собраний, судебные гарантии, неприкосновенность личности и имуще-

ства, пропорциональность налогового обложения. Следует отметить и своеобразный *переходный характер* идеологии Лильберна. В стиле эпохи реформации он широко пользуется религиозными авторитетами, ссылаясь часто на священное писание и пользуясь излюбленными библейскими образами. Известное замечание Маркса о своеобразии идеологии английской революции применимо и к Лильберну: «Так, одним столетием раньше (по сравнению с французской буржуазной революцией. — В. С.)..., Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета» (К. Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, Избр. соч., т. II, стр. 247, 1934 г.). Наряду с этим Лильберн часто прибегает и к другим авторитетам. В своих памфлетах он ссылается на английское статутное право («общее право страны»), различные средневековые хартии и законы, исторгнутые нередко силой у королей в результате многовековой классовой борьбы. Особенно часто цитируется знаменитая Великая хартия вольностей (1215), причем, как это вполне естественно для представителя XVII в., Джон Лильберн толкует ее чрезвычайно широко, совсем иначе, чем ее понимали сами авторы — мятежные бароны XIII в., подразумевавшие под «свободным человеком» не кого иного, как прежде всего феодала.

Лильберн также часто ссылается на *естественное право* («законы природы, которым обязан подчиняться человек») и право разума, что сблизжает его с более поздними политическими писателями-рационалистами конца XVII и XVIII вв. Самая религия Джона Лильберна носит *рацио-*

на истинный характер и, по существу, сводится к определенным предписаниям гуманной морали.

Демократическая конституция Лильберна не была проведена в жизнь. Силы демократии оказались слабы перед объединенной мощью крупного торгово-промышленного и аграрного капитала. По существу проект левеллеров оказался утопией. И еще через 200 лет в той же самой Англии на иной ступени общественного развития, когда в рядах демократии решающую роль уже играл пролетариат, английскому чартизму пришлось в программе Народной хартии повторить в значительной степени те же лозунги великих демократов XVII в. (однопалатный парламент, широкое избирательное право и т. д.).

Историческое значение Лильберна заключается в его борьбе за осуществление идей буржуазной демократии. В конкретных условиях английской буржуазной революции середины XVII века Лильберн не мог возвыситься до сознания того, что его борьбе поставлены определенные пределы, обусловленные классовой структурой общества. Несмотря на свою мелкобуржуазную ограниченность, демократический идеал Лильберна носил прогрессивный характер. Жизнь и борьба Лильберна, этого великого демократа, приобретают особую актуальность в настоящий момент, когда звериный фашизм, уничтожив последние остатки демократии в Германии, Италии и ряде других стран, пытается отбросить человечество к мрачным временам средневековья.

* * *

Лильберн был крупнейшим публицистом своего времени. Ему принадлежат несколько десятков

памфлетов. Часть памфлетов при его жизни издавалась по нескольку раз. Таким образом, публикуемые шесть памфлетов составляют лишь незначительную в количественном отношении часть его литературного наследства. Все же они дают представление о взглядах Лильберна на разных этапах его развития. За исключением второго памфлета, «Защита природного права Англии», памфлеты даются в полном виде с выпуском лишь некоторых повторяющихся мест. С этой целью мы стремились подобрать наиболее яркие и в то же время наименее громоздкие произведения. Как автор Лильберн весьма своеобразен. Он пишет как истый трибун: захватывающе, страстно, убедительно. У него есть яркие образы и чеканные формулировки. Но он — не легкий автор. Структура его речи весьма тяжела, громоздка и отдает еще латинской конструкцией, характерной для литературного языка той эпохи. Лильберн также недостаточно систематичен: он часто повторяется, неожиданно перебегает от одной темы, от одного предмета к другому. Все эти особенности нам приходилось учитывать при переводе; в частности, мы стремились по мере возможности избегать длинных периодов и многочисленных придаточных предложений, характерных для оригинала.

Семенов Виктор Федорович

В нашей библиотеке:

Н. Прозорова. Политические и правовые взгляды Дж. Лильберна
В. Семенов. Левеллеры в английской революции XVII в.
М. Барг. Генезис идеологии истинных левеллеров
Г. Левин. Из истории демократического движения в годы английской буржуазной революции XVII в.
Т. Павлова. Уравнительные идеи в политической литературе второй английской республики
А. -Л. Мортон. Английская Утопия

Открытое письмо Джона Лильберна

тюремщикам Флитской тюрьмы — Джемсу Ингрэму и Генри Хопкинсу, разоблачающее их чрезмерную жестокость (4 октября 1640 года).

Господа (Sires)! Вы оба в равной мере законены в пригеснениях и оба жаждете проливать невинную кровь, так что действия одного могут быть вполне приписаны другому; между вами существует такая гармония во зле, что я буду говорить о вас обоих в единственном числе и буду писать к вам, как будто вы составляете одно лицо.

В декабре [1639 г.] исполнилось два года, как дьявол — ваш отец — бросил меня за мою невинность в тюрьму, а Уильям Лоуд¹, его послушный сын, отдал меня вам под стражу и на мучения, в чем вы так опытни и изобретательны. Вы не раз пытались убить меня и пролить мою невинную кровь, следы чего еще и теперь сохранились на моем теле, так что их нельзя скрыть от мира. Об этом я уже отчасти писал в моих напечатанных книгах, но гораздо более того, что

¹ Уильям Лоуд (1573—1645) — архиепископ Кентерберийский, примас английской государственной церкви, прославившийся своими преследованиями пуритан в правление Карла I.

опубликовал, у меня еще осталось, чтобы рассказать всю правду.

Вы, может быть, припомните, как в прошлом году 17 сентября вы выпустили на меня свору своих кровавых собак с целью убить меня, как я вынужден был бегать от них почти в течение двух часов, чтобы спасти свою жизнь, причем в этой суматохе я чуть не потерял свою левую руку; вы, быгь может, помните, как одному из них в награду за проявленное им усердие разделаться со мной вы подарили полкроны (как в этом он мне сам признался), а когда ко мне пришел врач и я был почти при смерти, вы отказались заплатить хирургу и не допускали ко мне моих друзей, чтобы я мог заплатить врачу сам. Ваши палачи, мои надзиратели, продолжали проливать мою кровь и дольше, и я вам в пространном письме, написанном в декабре месяце, подробно рассказал об этом (накануне того дня, когда я вам писал, я потерял несколько кварт крови); в этом письме я просил вас предоставить мне спокойные условия, чтобы меня, совершенно невинного, не убивали ваши люди. Тогда вы вместе с вашими помощниками изобрели другой способ покончить со мной. Для этой цели вы решили поместить со мной в камере 12 декабря двух сожителей, что совершенно противоречило приказу о моем аресте, где было сказано, что я должен быть помещен один; их вы намеревались использовать как орудие своих презренных планов. Для этой цели меня пригласили в другую комнату под тем предлогом, что я там могу положить балзам на мои раны; я решительно отказался пойти туда, хотя меня несколько раз настойчиво звали. После этого, 15 декабря вы приказали

своим палачам, своим кровавым собакам, убить не только меня, но и одного из моих друзей, который пришел к дверям тюрьмы узнать, не нуждаюсь ли я в чем-нибудь, и палачи выполнили бы свои кровавые замыслы, если бы другие заключенные не спасли меня от их свирепых рук, рискуя своей жизнью.

С того времени и вплоть до начала прошлого парламента, собранного в апреле¹, много раз строились подобные планы против меня. Из болезни, что я буду жаловаться на вас, как кровожадных убийц, вы много раз подговаривали одного из ваших доверенных, чтобы он затеял со мной ссору и чтобы таким образом был бы найден хоть какой-нибудь повод возражать на мои справедливые и горькие жалобы. На второй день созыва парламента меня избили, причем я не был зачинщиком ссоры, а лишь защищался, как это могут подтвердить многие заключенные. На следующий день после этого вы послали за мной 5—6 человек надзирателей, под предлогом, что будто вы хотите поговорить со мной, но они держали себя так враждебно, что я стал опасаться, как бы они на самом деле не убили меня. Чтобы спасти свою жизнь, я заперодил свою дверь от них; после чего я был заперт и у меня не было даже воды, чтобы приготовить обед; тогда вы арестовали одного честного джентльмена за то только, что он дал мне три бутылки воды; этой жестокой мерой вы хотели заставить других заключенных бояться оказывать мне услуги, чтобы таким образом вы, наконец, могли покорить меня и ли-

шить меня жизни. Мои друзья несколько раз подвергались нападениям со стороны ваших надзирателей за то, что они приходили к дверям тюрьмы посмотреть и поговорить со мной; причем некоторые из них прямо рисковали своей жизнью; другие, чтобы избежать опасности, приходили через камеру Томаса Дина, находящуюся против моей и про которую они знали, что она находится низко и недалеко от меня; так как между нами был тюремный двор, то мы могли не беспокоиться, что нас кто либо услышит, кроме гуляющих заключенных, а из находящихся в камере нас могли слышать лишь те, кто захотел бы нас слушать, так же как мы их; но вы, видя, что я еще жив и что вашей злобе не удалось прекратить мои дни, несколько раз вызывали Дина и выговаривали ему, ссылаясь на то, что в моем порядке точно указано, что начальник тюрьмы будет подвергнут строгому наказанию, если кто будет приходиться и говорить со мной. Тогда вы приказали ему [Дину], чтобы он или перешел в другое помещение, или больше не позволял ничому разговаривать со мной из своей камеры. Все же вы были настолько любезны, что на некоторое время оставили меня в покое, и я вам ничего не говорил. Вообще вы исполняете приказ лишь тогда, когда вам правится, и можете совсем не считаться с ним, когда вам это захочется или вы задумаете подвергнуть опасности мою жизнь.

Одно время мои друзья подвергались алчному вымогательству со стороны сторожей: они платили им 12 пенсов, 18 пенсов, 2 шиллинга и более каждый раз за дозволение посетить меня и поговорить со мной, и тогда их допускали в мою камеру; особенной алчностью отличался ваш

¹ Так называемый «Короткий парламент», созданный 13 апреля и распущенный 5 мая 1610 г.

служитель Муррей, который не позволял слугам моего друга доставлять мне обеды до тех пор, пока ему не давали денег. Через этого же Муррея вы разрешили мне гулять, когда мне захочется, на тюремном дворе и даже заходить в его скверную камеру и пить с ним, и я могу подтвердить через свидетельство честных людей, что ко мне с этой целью несколько раз приходили посыльные, но так как я опасался отравления, то я не соглашался ни на каких условиях принять это приглашение; тогда приказ обо мне стал выполняться со всею строгостью, меня снова заперли в мою камеру и прекратили доступ ко мне моих друзей, желавших помочь мне или поговорить со мной и узнать, жив ли я еще или нет.

Бедных арестантов наказывали и мучили, если они давали мне хоть немного воды или оказывали мне какую-либо другую услугу; у некоторых из них, по вашему приказанию, отнимали постели, иногда отбирали милостыню или угрожали кандалами — все это за то, что они дали мне немного пищи. Между тем, ни вы, ни ваш владыка не отпустили на мое содержание ни одного фартинга¹; если это не есть жестокость, тогда вы, орудие дьявола, скажите, что же иное можно назвать таким именем? А что касается ордера о моем аресте, за строгое исполнение которого вы так часто принимались, позволяйте мне сказать вам смело: я уверен, что если бы Вельзевул, князь дьяволов, сам участвовал в суде Звездной палаты вместо ламбезского папы², его

¹ Мелкая монета $\frac{1}{4}$ пенса, приблизительно равна 1 копейке.

² Т. е. архиепископа Лоуда; Ламбез — архиепископский дворец в Лондоне.

верного сына, то и он не вынес бы против меня более жестокого и бесчеловечного приказа. 18 апреля исполнилось два года, как этим кровавым прелатом было вынесено постановление, согласно которому я, привязанный к оси позорной телеги, должен был подвергнуться бичеванию на всем протяжении от Флитского моста до Вестминстерской палаты.

В самом деле, как может человек остаться в живых, если ему запрещают принимать какую-либо помощь от кого бы то ни было и не позволять приносить ничего от его друзей и лишь от желаний его врагов зависит, дать ему кусок хлеба или глоток воды?

Но знайте, что если вы снова задумали огонь мою жизнь и если вам удастся осуществить это, прежде чем я принесу на вас жалобу в парламент, знайте, что я уже составил свое завещание и завещал мою душу тому, кто приобрел ее своею кровью, а мое тело — земле, откуда оно взято; если священники не позволят, чтобы я был погребен на церковном кладбище, то пусть меня положат за слободой сапожников; а что касается моего имущества, то им уже распорядились, ибо прелаты большую часть его уже разграбили: слуги кентерберийского архиепископа в прошлом году взяли у меня в таможене две тысячи моих книг, присланных из Амстердама. Потом я узнал, что большая часть их была расхищена и отправлена в Шотландию в целях подлой наживы, и эти книги открыто продавались, как например, баллады Мартина Паркера³, даже здесь, в Лон-

³ 1 Мартин Паркер (1600—1656) — содержатель одной из лондонских таверн и автор многочисленных баллад, популярных в среде лондонского низшего населения.

доне, что заставляло меня от души смеяться и не жалеть своих убытков. Вам же в качестве доли наследства я оставляю, как удар хлыста по вашим жирным и негодным бокам, полный перечень ваших подлых, низких и кровожадных дел, когорый я прикажу отпечатать с соответствующими разъяснениями, чтобы можно было возбудить против вас в высшем суде Англии дело за то, что вы мучили честных и верных королевских подданных за их невинное, честное и доброе желание помочь этому королевству. Поскольку вы тщательно исполняли приказы того негодяя¹, когорый пользуется таким громадным влиянием в управлении королевством (а вы не раз заявляли, что исполняете именно его приказание), вы несете ответственность как соучастники в преследовании лучших подданных короля. И мне кажется, что уже близко то время, когда вы оба получите за вашу подлость и кровожадность справедливое и давно заслуженное вами наказание в Тиборне²... Я не сомневаюсь, что придет время, когда моя невинность и честность доставят мне больше друзей, чем вам ваши добытые низменными средствами золото и серебро; в самом деле, большая часть ваших денег добыта обманом, плутовством и грабежом бедных людей, вымогательством и пригеснением узников, у которых вы отнимаете их жалкое содержание. Я сам знаю, как вы брали от них то 20 шиллингов, то 5 шиллингов без всякого на то права, как других вы мучили с неслыханной жестокостью, доводя некоторых из них до лишения жизни и угрожая

¹ Т. е. Лоуда.

² Тибори — место казни в Лондоне, где стояли виселицы.

тою же участью многим другим, так как вы были подкуплены их могущественными врагами или мстили им жестоко за то, что они жаловались на ваши незаконные притеснения. Что касается меня, то я заявляю вам, что бы вы ни делали мне, вы не сделаете больше того, что сделал дьявол с Иовом.

Из опыта я убедился, что даже лучшая ваша снисходительность является лишь жестокостью, — поэтому я заявляю, что я не боюсь вас, как не боялся никого из слуг дьявола, ибо сказано: нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним, а праведник смел, как лев (Притч. Соломона 28,1).

Что касается условий моей жизни, то, как я об этом заявлял прелату в моей книге «*Отойдите от моего народа*» (когорую я писал в то время, когда мои руки были закованы в кандалы), я клянусь, что могу жить в любых условиях: в голоде, без одежды, в нужде, в преследованиях, в тюрьме, в опасностях, в ссылке, в изгнании; я заявляю вам, что так сильна моя вера, что я мог бы жить на бесплодной каменной горе, где нельзя найти ни хлеба, ни воды, ибо я верю в благость и всемогущество божие. Я уверен, что если я в чем бы стал испытывать нужду, то он заставил бы камни и бесцельные предметы изменить свою природу и служить мне для удовлетворения моих потребностей.

В прошлом году ваша варварская, больше чем языческая жестокость заставила меня обратиться с горькими, но справедливыми жалобами к лорд мэру и ольдерменам Лондона, так же, как и к своим товарищам подмастерьям. Эта жалоба находится уже в печати вместе с другими моими книгами, и я только удивляюсь, почему

вы до сих пор не привлечены к строгой ответственности. Пусть будет вам известно, что, когда я был здоров, — что было еще до того, когда мои друзья познакомились с Томасом Дином, — я не дремал, но писал, и у меня теперь подготовлено к печати больше того, что уже напечатано; несколько месяцев назад этот материал я послал в Голландию для печатания, о чем никто еще не знает. Это не только потревожит кентерберийского архиепископа, но и потрясет основы всего его антихристового вавилонского царства, как это увидят, когда наступит должное время и напечатанные памфлеты будут распространены.

Может быть, вы скажете, что я сумасшедший, что написал вам эти строки; правда, принуждение может сделать и мудрого человека безумным; но если вы считаете эти строки бредом сумасшедшего, вы — сами глупцы, потому что я в состоянии отвечать за все, что я делаю, и, если хотите знать причины, почему я пишу, то вот они:

Прежде всего я это делаю потому, что мне нравится дразнить лошадей, особенно, если я замечаю, что это заставляет их лягаться, так чтобы я мог смеяться в моем одиночном заключении, раз вы меня лишаете возможности видеть моих друзей.

Во-вторых, я пишу вам для того, чтобы дать понять вам глупость тех способов, которыми вы хотите подчинить меня, ибо я скорее умру, чем кому-либо удастся сокрушить меня даже такими мучениями, какие вы применяли ко мне. Пусть будет вам известно, что чем более жестоко вы обращаетесь со мной, тем больше зарубок вы делаете на бирже, чем более обширным будет

список моих жадоб в парламент против вас и тем сильнее будет моя решимость задать вам такую же трепку, какую когда-то задал Дрэк испанцам; чем больше вы запираете меня и лишаете меня возможности видеть моих друзей, тем сильнее работают мои мысли и тем больше я и о ретаю средств, чтобы расквитаться с вами и отплатить вам вашей собственной монетой. Если бы ваш верховный начальник, ламбезский папа, знал, какую большую работу проделал я, чтобы ниспровергнуть его пагубное антихристово царство, когда вы меня заперли (хотя я никогда не пользовался камерой моего соседа Дина, чтобы приносить или уносить свои книги), он, вероятно, не поблагодарил бы вас за то, что вы сделали, вынудив меня к этому.

Наконец, в-третьих, я посылаю вам это письмо для того, чтобы вы знали, что, хотя ваша жестокость делает многих в этой тюрьме негодьями, я все же не сдал им.

Сам ваш великий господин Лоуд (хотя он возглавляет весь черный полк саранчи) не осмелился смотреть мне в глаза, когда я три года назад молча смотрел на него в Звездной палате, а погом часто, как вы сами хорошо знаете, вызывал его на диспут, ибо у меня в груди настоящее сердце солдата, которое не дрожит и не боится своих врагов.

Итак знайте, что в одном из городов Голландии есть типография, куда я пошлю это письмо для напечатания, и когда оно будет оттуда при-

¹ Френсис Дрэк (1545—1594) — английский адмирал; при Елизавете совершил ряд удачных набегов на испанские колонии в Вест-Индии, в 1588 г. разбил испанскую «Непобедимую армаду».

слано обратно в напечатанном виде и будет продаваться открыто, вы получите полную возможность читать его на улицах, когда, например, пойдете к зданию парламента. Так как я не мог до сих пор в лицо сказать вам правды, хотя часто слышал, как вы разговаривали, то по крайней мере теперь смогу подробно рассказать в печати о вашей подлости. А что касается старого плута пристава Льюиса, который (как мне сообщили) был главным информатором о моем соседе Дине и о моих друзьях, потому что я недавно говорил с ним о его поведении, указывая ему на его бесстыдные притеснения бедных заключенных и на то, что он вместе с вами обирает их, — в отношении его, я надеюсь, что придет время, когда (если я останусь жив) я иначе поговорю с ним в защиту этих бедняков.

Итак остаюсь ваш незаконно угнетаемый узник, готовый подвергнуться новым оскорблениям с вашей стороны, но открыто выступающий против вашей злобы

честный Джон Лильберн.

Из вашей кровавой бойни, называемой Флитской тюрьмой, 4 октября 1640 года.

Защита прирожденного права Англии,

напечатанная против всякого произвола, будь то короля, парламента или кого другого, с различными вопросами, замечаниями и жалобами народа, заявляющая, что теперешние действия парламента противоречат тем основным принципам, какими он руководствовался в своей борьбе против короля, и глубоко несправедливы по отношению к тем, которые являются его лучшими

друзьями, сторонниками и защитниками, и говорящая о многих других вещах, имеющих весьма важное значение для свободнорожденного народа Англии¹.

(10 октября 1645 года)

На 150-й странице книги, называемой «*Собрание парламентских реконстраций, деклараций и пр.*», изданной по специальному распоряжению палаты общин 24 марта 1645 года, мы встречаем один вопрос и ответ на него, на который полезно обратить внимание всем людям в наши печальные времена:

Вопрос: Теперь, в момент крайнего расстройтва когда нам угрожают иностранные силы и возможно вторгнутся в наши пределы, когда внутри страны строит козни злобая папистская партия, в это время дьявол выростил кость и возбудил спор между королем и парламентом по вопросу о милиции. Его величество считает, что командование войском по закону принадлежит ему, а парламент заявляет, что распоряжение им вхлдит в его компетенцию.

Ответ: Этот вопрос можно разрешить с такой оговоркой: обычно в законах существует внутренний и буквальный смысл. Его величество по закону имеет право распоряжения войском, но лишь исключительно для блага и сохранения государства против иностранных вторжений и внутренних мятежей. В самом деле, нельзя предполагать, что парламент когда-нибудь наделит короля правом командовать войском против себя самого или против государства, ибо он наделает короля этим полномочием для своей безопасности, а не во зло себе, поэтому если возникнет основательное подозрение, что буква закона может быть использована против существа его (т. е. против общественного блага, против всего народа или его представителей), когда главноко-

¹ Памфлет анонимный. Об авторстве Джона Лильберна см. Pease, The Leveller Movement, 1916, p. 108; Firth, Liburne, John, «Dictionary of National Biography», vol. XXXIII; Попов-Левский, Лильберн и левеллеры, 1928, стр. 213.

иандующий идет против существа закона, то подчиненные имеют право отказать в повиновении букве закона, потому что закон, взятый абстрактно, без связи с его первоначальными мотивами и конечными целями, — это скорлупа без ядра, тень без материи, тело без души. Лишь исполнение закона, в соответствии с его существом и смыслом, дает жизнь власти, в то время как буква убивает.

Это существо закона не обязательно должно быть выражено в нем, потому что само собою предполагается, что законы не означают голого повиновения, как это очевидно по аналогии с естественными законами; отсюда соответственно исполнению закона различные правители и правительства пользуются и разным уважением. Например, если командование армией поручено генералу, вовсе нет нужды указывать в приказе, что он не должен поворачивать дула своих пушек против своих солдат, потому что это и так ясно и до такой степени, что если бы он попытался приказать что-либо противоречащее его посту и его полномочиям, то тем самым он дал бы своей армии право не повиноваться. И в самом деле, если не учитывать этих различий в понимании закона, тогда ограниченная законом монархия есть не что иное, как величайшая тирания; ибо если законы наделяют короля абсолютной властью, а буквы этих законов не контролируются их существом, тогда короли превращаются в абсолютных монархов, правящих по произволу, а не по закону, как это делают тираны. Короли, которые правят по закону, а не по произволу, таким путем через закон получают права тиранов. Другими словами, в то время когда настоящая цель законов — поставить границы произвольной власти государей, здесь сами законы разрушают это положение, содействуя и оправдывая произвольную тиранию и легализуя ее. Законы должны пресекать, а не содействовать тирании, поэтому буква закона всегда должна толковаться в согласии с существом его; иначе получится полный абсурд».

Таковы собственные слова парламента

Всеми разумными людьми признается, что парламента имеет власть отменить старые законы и

издавать новые и публиковать их. Но некоторые законы не могут быть отменены им, потому что эти составляют основной закон (rule), которым руководствуются все общины Англии и которым, как это само собой разумеется, связан и сам парламента, так же как и все другие. И хотя в силу своей законодательной власти он имеет право издавать законы, все же ни от одного свободного человека в Англии нельзя требовать, чтобы он знал их прежде, чем они будут опубликованы; равным образом совершенно очевидно, что никто не может быть наказан за то, что он руководствуется известными опубликованными законами, хотя бы эти законы парламента считал противоречащими своим привилегиям, если только об этом им не было публично заявлено.

Если закон не опубликован, то нег и его нарушения. Поэтому совершенно необходимо, чтобы парламента открыто провозгласил то, что он считает своими привилегиями к сведению всех общин Англии, чтобы никто не мог из-за незнания закона (по вине парламента) подвергнуться опасности потерять свою жизнь, свободу и имущество. Должно быть хорошо известно и самому парламента, что его власть ограничена теми, которые его выбирали и что он должен делать не то, что ему захочется, а то, что он должен делать, т. е. заботиться о благе народа, а не вредить ему. Эти неизвестные парламента привилегии так же опасны, как неограниченная королевская прерогатива; и то и другое — ловушки, расставленные для многострадального народа.

Забвение этого основного закона (rule) есть наибольшая опасность, какая только может быть; так как оно ведет к своеволию и насилью,

угрожающим всеобщей гибелью. Например, известным, твердо установленным, опубликованным и неотменным законом является закон, объявляющий, что все свободные люди Англии избирают согласно праву рыцарей и горожан и посылают их в парламент и этим депутатам должны повиноваться все общины Англии.

Но упраздните этот закон, и что тогда получится? Разве не может тогда случиться, что в парламент придет толпа, которая заявит, что она хочет вместо депутатов издавать законы, так как она более многочисленна и потому желает занять место избранных депутатов?

Упраздните этот закон, и где тогда будет *моя* и *твоя* и что тогда будет с свободой и собственностью? Но вы скажете, что опубликованные законы связывают народ, но они не обязательны для парламента, который не руководится ими. На это я отвечаю: нельзя представить себе, чтобы народ был настолько глуп, чтобы он давал такую власть тем, кого он избирает в качестве своих слуг; ибо это значило бы дать власть парламенту во зло себе, а не для блага, что прямо противоречит вышеупомянутому принципу. Итак совершенно ясно, что каждый человек может себя чувствовать вполне на твердой почве, если на его стороне существо и буква изв. сего опубликованного и неотменного закона, хотя бы осуществление этого закона и противоречило мнимым привилегиям парламента.

В акте, изданном настоящим парламентом в 17-м году царствования короля Карла I¹ под главным «Актом Тайного совета и упразднении суда обычно известного под именем Звездной палаты»

действия, постановления и решения Звездной палаты признаны несносными и ведущими к произволу правительства; там же говорится, что Тайный совет покушается на собственность и свободу подданных вопреки закону страны и правам и привилегиям народа. Далее, в акте пространно цитируются такие законы, как Великая хартия вольностей и законы 5, 25 и 28-го годов царствования короля Эдуарда III. Последний из этих законов говорит о том, что ни у кого не может быть отнято право подачи петиций или жалобы королю или его совету иначе, как по обвинению или представлению добрых и полномочных людей, его соседей и в том месте, где совершен проступок, что должен быть произведен судебный процесс согласно предписаниям общего права и что никто не может быть лишен своего владения, если владелец не привлечен к суду согласно статьям этого закона и другого статута от 42-го года царствования короля Эдуарда III, в котором говорится, что никто не должен быть принужден к ответственности иначе, как только по суду с соблюдением определенных форм, согласно древним законам страны. Поэтому, продолжает акт, впредь нельзя устанавливать, организовывать или назначать для добрых подданных нашего королевства Англии и княжества Уэльса никакого суда, совета или судебного учреждения, которое бы практиковало такие действия, какие допускала названная Звездная палата, а если кто нарушит этот закон или сделает что-либо прогиворечащее его смыслу, тогда он или она обязаны за такой проступок уплатить обиженной стороне, ее ипотечникам или администраторам штраф в сумме 50 фунгов.

¹ Т. е. 1642 г.

В акте упоминается также *Петиция о праве*, которая имеет значение большее, чем простой закон (ибо эта декларация справедливости действительно передает истинный смысл и дух Великой хартии вольностей), и стоит выше других добрых законов Англии, ограждающих свободу народа. Когда парламент обратился к королю с просьбой, чтобы ни с кем не было поступлено вопреки этой декларации и прочих прав и вольностей свободнорожденного народа Англии, — король на это ответил: утвердить согласно законам и обычаям королевства. Но из этого ответа не было ясно, какой же истинный смысл самих законов и обычаев страны, поэтому парламент обратился к королю с новой просьбой, чтобы он дал более полное разъяснение своим словам и между прочим он [парламент] выразил пожелание, чтобы были объявлены незаконными как заключение в тюрьму кого либо без ясного указания причины, так и принуждение к ответам на допросах.

Таковы слова парламента

Отсюда вытекает, что оба парламентские комитетa и другие высшие власти этого королевства, произвольно и незаконно арестовавшие честных и свободных людей, подлежат в силу этого закона штрафу в 50 фунтов стерлингов за каждого человека, которого они незаконно посадили в тюрьму.

Нам очень было бы желательно, чтобы наши ученые юристы, исходя из духа и буквы этих законов, ответили бы на такие вопросы:

1. Не вытекает ли из буквы и существа этих законов, что сам парламент связан ими во время своей деятельности, поскольку его поступки под-

ходят под действие этих законов? Если на это будет дан отрицательный ответ, я задаю новый вопрос:

2. Не считает ли себя сам парламент связанным соблюдением буквы и смысла этих законов, когда он имеет дело с свободными людьми, заявляющими во всех своих действиях и речах верность государству? Если и на этот вопрос будет отрицательный ответ, я еще спрошу:

3. Создавал ли когда бог человека беззаконным? Неужели государство, когда выбирало парламент, давало ему неограниченную власть и полный произвол поступать вопреки своим собственным законам, прежде чем они будут отменены?

4. Согласно ли закону, справедливости и праву, чтобы парламент заключал в тюрьму или наказывал кого-либо за то, что тот сделал что-нибудь согласно закону и присяге?

5. Можно ли считать законным, справедливым и правильным, когда один свободный человек решил согласно своему долгу, присяге и обязательствам донести парламенту об измене, совершенной Джоном Лентоллом против правительства и королевства; когда он сообщил об этом членам палаты общин, то они положили дело под сукно и только теперь, по милости божией, оно выплыло на свет? Можно ли считать нормальным, что в течение того времени, когда ведется следствие, когда формулируется обвинение против сэра Джона Лентолла или от него требуют разъяснений, он ведет себя бесстыдно, куражится и оскорбляет жалобщиков и свидетелей пред лицом судебной комиссии, которая ему в этом не препятствует?

Между прочим, часто во время заседания комиссии и допроса обвиняемый сидел рядом с чле-

нами комиссии с шляпой на голове, как будто один из них, пользуясь со стороны комиссии в десять раз большую благосклонностью и снисходительностью, чем справедливые, верные и честные жалобщики, по отношению к которым члены комиссии позволяли себе угрозы, насмешки, презрительные клички и тому подобные позорные выходки. В то время как друзей обвиняемого допускали внутрь помещения и они присутствовали при допросе, друзей жалобщиков держали за дверями. Когда обвинявшие сэра Джона Лентолла потребовали перевода его из-под стражи в другую тюрьму, им в этом было отказано.

6. Можно ли назвать согласным с законом, справедливостью и правом, что дело сэра Джона Лентолла разбирается в палате, где у него так много друзей? ¹ Не правильнее ли было, чтобы его дело было передано в военный совет, так как ведь его преступление должно судиться по военным законам.

7. Ответьте мне: законы, действующие в королевстве Англии, которым обязаны подчиниться свободные люди, изданы и опубликованы с общего согласия членов парламента или нет? Во всяком случае, не следовало ли бы парламенту ясно изложить этот вопрос, имеющий столь важное значение для всех общин Англии? Парламент позаботился о переводе библии на английский язык, чтобы все могли читать миряне так же как и духовенство; не следовало ли бы парламенту подобным же образом позаботиться о переводе на английский язык и законов, чтобы все свободные люди, а

не одни юристы могли читать их и мирно пользоваться ими. Ибо посмотрите на наших законовеедов: как они сварливы и вздорны, как они богатеют благодаря своему знанию законов; дела, порученные им народом, они разбирают лишь в своих собственных интересах и во вред народу; они прибегают к плутовству и сочиняют в своих выгодах многочисленные толкования. Большая часть этих толкований написана на непонятном языке (обычно называемом французской тарбарщиной или нечестивым греческим языком). Таким же образом духовенство старой государственной церкви раньше, еще до разрешения перевода священного писания на английский язык, пользуясь непонятным языком, заставляло бедняков верить в папские предписания. Наши закошники привели к тому, что народ стал опасаться пользоваться судом, так как практика их противна статутам и законам, несправедлива, неправильна, бессовестна и имеет лишь одну цель — поработить народ.

8. Можно ли считать справедливым положение, что теперь снова вводятся патенты на мыло, соль, кожу и прочее, хотя монополии четыре года тому назад были отменены палатой и призваны проигнорированы и равноправно всех свободных людей Англии? Разве не должно распространяться это постановление на новых монополистов, захвативших в свои руки еще больше монополий, чем прежние?

Вначале монополия проповеди также была достоянием лишь тех, кто носил черные одежды и монашеские плащи и имел посвящение от епископов, а те от папы, и, следовательно, от дьявола, хотя дух святой говорит, что *каждый* должен служить друг другу тем даром, который он

¹ Брат Джона Лентолла — сэр Уильям Лентолл — был спикером (председателем) палаты общин.

получил (от бога), как добрый управитель много-различной божьей благодати (1 Петр. 4, 10).

Вторая монополия — это монополия Странствующих купцов¹, которые захватили в свои руки всю торговлю шерстяными товарами, отправляемыми в Нидерланды. О вреде этой монополии вы можете подробно прочитать в недавно вышедшем памфлете², доказывающем необходимость установления свободы торговли, особенно в отношении сукон и других шерстяных изделий, которые частная компания названных купцов монополизировала вопреки закону природы, международному праву и законам нашего королевства.

Шерсть составляет основной товар нашего королевства и торговля ею согласно древним статутам (от 12 и 21-го года царствования короля Генриха VI) должна быть предоставлена всем свободным людям Англии. Это право является столь важной привилегией для всех общин Англии, что всякий, кто отнимает ее у них и присваивает себе каким-либо, так называемым патентом или разрешением, подлежит величайшему наказанию, как виновный в том, что он похитил у свободных людей Англии их прирожденное право и наследие, а чиновники таможенной палаты и их помощники виновны в уголовном преступлении. В писании рассказывается, как Навуфей отказался отдать цррю свой виноградник (потому что он

¹ Старейшая из английских монопольных компаний по торговле с заграницей, образовавшаяся еще в конце XV в. и захватившая в свои руки экспортную торговлю в Немецком и Балтийском морях.

² Лильберн имеет в виду анонимный памфлет «Discourse for free trade» («Расуждение в защиту свободной торговли»), 1645.

был его наследственным участком), хотя царь обещал ему много денег и давал взамен другой виноградник (1 Царств. 21, 2); так и теперь, я думаю, нет никакого основания свободным людям Англии отказываться от большей части своих прирожденных прав, похищенных у них насилем и против их воли, как об этом свидетельствуют многочисленные петиции, поданные в парламент, но им еще не рассмотренные.

Третья монополия — это несносная, несправедливая и тираническая монополия печати, в силу которой шайка малиньянтов¹, которых кентерберийский архиепископ и его малиньянтская партия (борющаяся против справедливых привилегий как народа, так и парламента) наделили произвольной, неограниченной властью (оформленной указом парламента) печатать, рекомендовать и распространять, по их полному усмотрению, все книги, памфлеты и пасквили, хотя бы они были полны лжи и имели целью отравление королевства несправедливыми тираническими принципами; это та самая партия, которая, поворачиваясь, пообно флюгеру, при каждом повороте ветра, стремится всеми возможными средствами продать и обмануть нацию в целях ее собственной выгоды. Но дело не ограничивается одним этим, они с яростью нападают на каждую книгу, содержащую истинную декларацию прав и вольностей свободнорожденного нашего народа, клеймят и клеветуют на этих писателей, обыщли их в митее, злого-

¹ Малиньянты — буквально «злосные», «вредные» — таким именем во время английской революции называли кавалеров-роялистов и сочувствующих им в противоположность «благомыслящим» — революционерам, сторонникам парламента.

воре и измене и поддерживая других клеветников против них. Точно так же поступали прежде епископы против шотландцев и самого парламента.

Но и это не все; имея на руках парламентский ординанс, вопреки всякому закону, справедливости, праву и разуму, они, под предлогом поисков подозрительных книг, собирают толпы дебоширов и вместе с кузнецами, полицейскими и специально «обученными» бандами врываются самым наглым и мятежным образом в дома самых верных друзей парламента и перерывают ящики, сундуки и шкафы; имущество, белье и всякие лучшие вещи, такие им поправятся, а также книги старые и новые отбирают и уносят с собой; самих же хозяев выбрасывают за дверь, отводят в комитет, а оттуда в тюрьму; там, не рассматривая их дела, их долгое время гноят, если они отказываются изменить своему доброму делу и своим друзьям, являющимся одновременно и друзьями парламента, и не подчиняются их несправедливым законам. Кроме того, для этих беззаконных людей обычным делом является — врываются в лавки честных людей в их отсутствие и производить там обыски.

Между тем, печатание и распространение еженедельника «Oxford Alicus»¹ и других малиньятских книг и памфлетов, стремящихся разрушить привилегии королевства и парламента, не только производится беспрепятственно, но даже весь этот печатный материал посылается королю, который задался целью уничтожить власть парламента и свободу народа.

Следующая мочогочия, которая, вероятно, будет, это монополия на хлеб и пиво, потому что

¹ «Оксфордский придворный» — орган роялистов, выходивший в 1642—1640 гг.

она имеет такие же права на свое существование, как и предшествующие.

О, англичане, где ваши свободы? Что стало с вашими вольностями и привилегиями, за которые вы сражались в течение столь долгого времени и за которые вы так щедро проливали свою кровь и не жалели своего имущества, надеясь, что это приведет вас к полной свободе? А вместо этого вы оказались еще больше связанными рабством и угнетением, чем прежде. Обратите внимание на это, пока еще не поздно, чтобы ваши потомки не проклинали вас за то, что вы их сделали рабами из-за вашей жадности, низости и бессердечности. Поднимитесь как один человек и на основе права и законов призовите к ответственности тех людей, которые хотят погубить вас и похитить обманом ваши вольности и свободы...¹

Новые цепи Англии,

или серьезные опасения части народа относительно республики.

Представлено высшей власти Англии — народным представителям, собранным в парламенте, — подполковником Джоном Лилльберном и разными гражданами города Лондона и предместья Соутворк 26 февраля 1649 года.

До сих пор вы сделали нации много справедливого; вам принадлежит честь объявить,

¹ Во второй части памфлета Лилльберн протестует против принудительного характера пресвитерианского кovenанта, а также разоблачает контрреволюционные связи с роялистами ряда ответственных пресвитерианских лидеров — лорда Манчестера, полковника Кинга и др.

что божий народ есть источник всякой справедливой власти; тем самым вы дали нам прямые основания надеяться, что вы действительно стремитесь к свободе и счастью народа. Однако, так как путь к этому был часто ошибочен вследствие поспешности или неправильности в суждениях, те, которые желали лучшего, уклонились в сторону, к явному ущербу ваших избирателей и, в конце концов, привели народ в положение, близкое рабству, в то самое время, когда народ думал, что его ведут к свободе. Так как печальный опыт открыл уже эту истину, то, кажется, есть основание полагать, что вы серьезно выслушиваете то, что мы собираемся теперь представить вам для раскрытия и предупреждения этой великой опасности.

Мы были первыми инициаторами в составлении и борьбе за Народное соглашение (An Agreement of the People)¹, которое содержит верное и справедливое средство для устранения продолжительных и утомительных страданий этой нации, вызванных не чем иным, как незнанием наших правителей. Но Народное соглашение, разработанное и представленное офицерами армии вашей почтенной палате, подвергнуто ими столь значительным изменениям, что мы должны высказать по поводу его наши серьезные опасения.

¹ Идея Народного соглашения возникла еще летом 1647 г. Первый проект Народного соглашения был разработан агитаторами армии вместе с представителями лондонских левеллеров и представлен на рассмотрение Армейского совета 28 октября 1647 года. Обсуждение происходило на расширенном пленуме Совета, так называемой «Конференции в Пешна», близ Лондона 28 октября — 11 ноября 1647 г.

Мы очень радуемся тому, что Соглашение оказалось приемлемым для вашей почтенной палаты, его превосходительства¹ и офицеров армии. Мы считаем его в принципе хорошим и полезным для республики и не сомневаемся в том, что вы намереваетесь защитить тех из народа, которые еще не потеряли своего прирожденного права и относятся критически к этому, как и всякому другому проекту так, как им укажет бог или их разум.

То же, что мы хотим сказать, касается скорее ряда отдельных пунктов этого Соглашения, которые являются неудовлетворительными с точки зрения тех, кто серьезно желает Народного соглашения; кроме того, многие важные требования совсем отсутствуют в проекте и их необходимо включить, а именно:

1. Ваши просители очень обеспокоены тем, что должны быть промежутки (intervals) между окончанием работ настоящего парламента и началом сессии будущего. Они желают, чтобы настоящий парламент, который недавно, в такое короткое время, совершил столь великие дела в целях освобождения народа, не расходился до тех пор, пока он не сможет с полной безопасностью передать эти свободы в руки другого народного представительства, и не отдал (хотя бы на короткое время) народ во власть Государственного совета, учреждения совершенно нового и не имеющего прецедента. Ваши просители опасаются, как бы Государственный совет не превратил свою власть в постоянную и не упразднил навсегда самый парламент.

¹ Имеется в виду главнокомандующий армии Ферфакс.

2. Меньшую опасность они видят в том, что Соглашением, предложенным офицерами, действительность будущего парламента определяется в 6 месяцев, а Государственного совета — в 18 месяцев. В это время они (члены Государственного совета), если даже будет доказана их коррупция, имея командование на суше и на море, будут иметь полную возможность сделать себя абсолютными и безответственными. Ваши просители высказываются за годичный парламент, ограниченный, как того требует разум, не распускаемый, заседающий по его собственному благоусмотрению в течение года и не более, чтобы после этого немедленно его место заступали вновь избранные представители, чтобы между сессиями власть поручалась комитету также из членов парламента, ограниченному и связанному, как обычно, специальными инструкциями и ответственному пред ближайшей сессией, что позволит предупредить такие опасности со стороны Государственного совета, какие имеют место в настоящее время.

3. Ваши просители не удовлетворены фразой, где сказано, что «власть народных представителей будет простираться на учреждение и упразднение судов», так как это может быть истолковано в отношении суда 12 присяжных. Ваши просители находят, что этот суд, такой равный и справедливый, не должен подвергаться никаким изменениям. Неясно также, что понимается под словами: «народные представители имеют высшую конечную власть». Ваши просители полагают, что власть депутатов состоит лишь в издании законов, правил и инструкций для судов и лиц, назначенных по закону для исполнения их, которым

должны подчиняться одинаково как члены республики, так и парламента. Неразумно, несправедливо и губительно для народа, чтобы законодатели были одновременно и исполнителями законов.

4. Хотя в Народном соглашении предусматривается, что последующими законами будет установлено, что никакое лицо в силу держания, пожалования, хартии, патента, степеней или по рождению не будет поставлено в привилегированное положение в отношении подчинения закону или освобождения от него, — все же проект не уничтожает и не отменяет этого покровительства по закону или в силу других привилегий и не делает всех таких лиц, как лордов и других, такими же ответственными лично и имущественно перед законом, как и всех прочих людей, как это должно бы быть согласно разуму и совести.

5. Ваши просители весьма не удовлетворены тем, что в Соглашение внесены оговорки относительно власти народного представительства в делах религии, ибо это приведет лишь к крайней запутанности и неясности в вопросе, где требуется особенная ясность и точность. Ничто еще не причиняло нации в прошлом таких бедствий, как это вмешательство парламента в религиозные дела.

6. Ваши просители считают абсолютно необходимым, чтобы в Соглашении было оговорено об уничтожении навсегда королевской власти и установлении гарантии против восстановления палаты лордов. И того и другого нет в представленном Вам Соглашении.

7. Ваши просители считают необходимым уничтожить общезвестные и тягостные нужды, как-то: десятины, угнетающие промышленность стра-

ны и препятствующие улучшению земледелия, акцизы и пошлины, этих тайных воров и разбойников, иссушающих состояние людей бедного и среднего сорта и наиболее разрушающих торговлю, превосходящие своим вредом корабельные деньги, патенты и проекты, существовавшие до настоящего парламента; необходимо уничтожить также все существующие монопольные компании, тормозящие и разрушающие производство и окраску суконных изделий и другие полезные профессии, благодаря которым тысячи бедных людей, готовых теперь умереть с голоду, могли бы найти работу, если бы торговля восстановила свою естественную свободу.

Ваши просители находят равным образом, что три вышеупомянутые бедствия — монопольные компании, акцизы и пошлины — наносят чрезмерный ущерб мореплаванию и судоходству и поэтому обездоливают моряков и прибрежных жителей; именно они имели немалое влияние на последние несчастные мятежи, которые так сильно подвергли опасности нацию и так много способствовали нашим врагам. Они (просители) также желают, чтобы были установлены на будущее время более равные и менее тягостные способы взимания налогов, так как существующие способы обложения весьма обременительны, а связанные с ними большое вознаграждение и жалование для чиновников отнимают большую часть денег, предназначенных на армию, и порождают самую бесчестную коррупцию.

Ваши просители желают уничтожить всякое заключение в тюрьму несостоятельных должников и обеспечить некоторые действительные меры, чтобы принудить к быстрому платежу всех тех,

которые могут платить и не позволять им укрываться в тюрьмах, где они живут в изобилии, в то время как их кредиторы разоряются.

Ваши просители также требуют обеспечения работой и хорошим содержанием всякого рода бедняков, престарелых и больных и установить более скорые и менее тягостные и обременительные способы для решения судебных тяжб, так как теперь целые семьи разоряются, отстаивая свои права. Все это, хотя составляет предмет самого большого и живого беспокойства народа, опущено в Соглашении, которое находится пред вами.

Эти и подобные требования, составляющие содержание Народного соглашения, по мнению ваших просителей, сделали бы невозможным для народных представителей безнаказанно причинять сколько-нибудь значительный вред республике. Ваши просители считают чрезмерно утомительным и вредным, чтобы народ постоянно обращался к своим представителям с петициями для исправления таких зол, которые могут быть уничтожены ими сразу, или бы зависел в своих делах, столь важных для его счастья и свободы, от неслыханных суждений некоторых членов парламента, готовых возобновлять то, что другие уничтожили.

Что касается пользования правами и свободами, заключающимися в настоящем Народном соглашении и принадлежащими народу, от которого исходит всякая справедливая власть, — ваши просители надеются и ожидают, что вы и армия поможете народу осуществить их. Мы желаем лишь, чтобы вы публично заявили о том, что вы намерены защитить тех, кто еще не потерял своих вольностей, чтобы представленное вам Народное соглашение было опублико-

вано для всеобщего свечения и была назначена комиссия для его рассмотрения и удаления из проекта всего того, что абсолютно противоречит природе свободного Народного соглашения, чтобы мы таким образом были уверены, что вы не намереваетесь допустить насилие во всем этом.

Но хотя мы и представили наши соображения и пожелания, касающиеся этого великого дела Народного соглашения, и готовы убедить самих себя, что ничто не обманет наших надежд, которые мы на нем строили, — все же за последнее время мы видели и слышали немало такого, что не только оправдывает наши опасения по поводу принятия Народного соглашения в такой форме, но и прямо угрожает нам рабством и полною гибелью.

Мы крайне удивлены тем, что, несмотря на величайшие идеи свободы, каких до сих пор не создавал ни этот народ и никакой другой народ в мире; несмотря на огромные потери крови и средств, которые потребовались, чтобы приобрести эти свободы; несмотря на многие замечательные и даже чудесные победы, которыми богу угодно было ознаменовать это справедливое дело; несмотря на чрезвычайные тяготы и мучения народа; несмотря на все это, — ваша палата неоднократно оказывалась в руках ваших слуг, лицемерно показывающих вид, будто они намерены защищать эти наши прирожденные свободы.

В самом деле, когда мы посмотрим, какие мучения и сгладания народ испытал от расстройств торговли, дороговизны продуктов и многих других бедствий, например, военных постоёв, насилий и прочих тягостей, связанных с войной, то мы найдем, что его поддерживала

во всем этом только надежда на свободу и на то, что государство будет в конце концов благоусстроено.

Когда народу был указан путь Народного соглашения и это Народное соглашение обсуждалось, в том числе и вами самими, все ждали и надеялись, что скоро получат это дорогое приобретение — и вдруг, о ужас! мы слышим и видим, что в действительности дело идет к совершенно противоположному, что все эти замечательные свободы направляются теперь и осуществляются некими тайными могущественными влияниями, стремящимися ни к чему другому, как установлению абсолютного господства над республикой. Не имея возможности достигнуть этого господства другим путем, как лишь принятием наших, получивших всеобщее одобрение, принципов, они скрывают под их внешней прекрасной формой совсем иные, свои планы, чтобы иметь влияние на возможно большое число добрых и благочестивых людей (действительно стремящихся к добрым целям) и делать их невольным орудием порабощения, их собственного и всей страны.

Ибо, где то благо, где та свобода, о которых так много говорили и за которые так дорого заплачено?

Если мы посмотрим на то, что сделала ваша палата с того времени, как она провозгласила себя верховной властью и освободилась от власти лордов, то мы найдем прежде всего установление высшей судебной палаты. Вследствие этого величайший оплот нашей безопасности — суд 12 присяжных — обесценен; всякая свобода отвода судей замечена судом случайных лиц, избранных необычным путем. Мы не можем допустить этого,

хотя бы в данном случае имелся в виду суд против наших политических врагов, ибо хорошо известно, что это обычная политика всех узурпаторов: сначала вводить определенные меры против врагов, чтобы таким образом легче их можно было провести, а потом, когда они будут допущены, использовать их против всех. Это — первый случай нарушения свободы.

Следующим нарушением является ваш приговор над одним членом палаты за высказанное им суждение в отношении религии. Это прямо противоположно пункту Народного соглашения, где говорится о религии.

Далее, акт о принудительной службе матросов противоречит даже офицерскому Народному соглашению.

Новым нарушением свободы было преследование печати. Тщательно выполняются самые суровые и неразумные указы парламента, изданные еще при господстве Голлиса и Стэпльтона¹, запрещающие нам говорить правду и разоблачать тиранию; исполнение этих указов, розыск, наложение штрафов, заключение в тюрьму и прочие наказания по делам печати поручены главнокомандующему армией и его военному суду. Таким образом, с нами поступают так, как в старые времена поступали с честными пуританами епископы, которые формально издавали законы против папистов, а в действительности применяли их против пуритан, заставляя их на себе чувствовать всю строгость этих законов. Это осуществляется ежедневно с величайшей жестокостью, так что никогда

еще, начиная со времени созыва настоящего парламента, свободы не подвергались бóльшим нарушениям, к великому раздражению солдат армии, как об этом ясно свидетельствует их последняя петиция.

Далее, народ ожидал, что Канцлерский и Вестминстерский суды, их судьи и чиновники будут реформированы, что будет установлен лучший и более справедливый способ разрешения тяжб и будут уничтожены разорительные расходы народа по ведению судебных дел. Вместо этого по старому взимаются высокие судебные пошлины и, кроме того, отпущены новые тысячи фунтов стерлингов в качестве дополнительного жалования судьям. Из всей той судебной волокиты и бессмыслицы, которая считалась и во времена злейшей коррупции¹ величайшим и несносным бременем, в настоящее время ничего не уничтожено.

А как принимали тех петиционеров, которые вносили предложения от имени народа? Иногда им выражали ничего незначащую благодарность, в то время как их пожелания совсем не рассматривались; а иногда их встречали упреками и угрозами за их настойчивость и упорство в отношении государственных интересов и даже жестокими постановлениями вплоть до того, что петиции присуждались к сожжению рукою палача; иногда же петиционеров совсем не допускали в палату. Так мало считаются с народом даже тогда, когда льстят ему, что он — источник всякой справедливой власти.

¹ Лилеры пресвитерианской партии, исключенные из парламента в августе 1647 г.

¹ Т. е. при старом режиме, во время абсолютного правления Карла I.

Наконец, в завершение этого нового вида свободы, спешно учреждается Государственный совет в качестве опекуна над парламентом, который наделяется властью собирать и располагать всеми военными силами Англии как на суше, так и на море, правом распоряжения государственным казначейством, правом принуждать к присяге любого человека и заключать в тюрьму тех, кто не подчинится его приказаниям или проявит, по его мнению, непокорность.

Что теперь осталось от того права, в силу которого ни один человек не может быть арестован или заключен в тюрьму или каким-либо другим образом лишен свободы и своего владения иначе, как по постановлению суда равных?

Мы умоляем вас позволить нам открыто изложить все это пред вами и обсудить беспристрастно наше, так же как и ваше настоящее положение, которое благодаря суровому и властному влиянию некоторых лиц дошло до такого состояния, что скоро мы будем вынуждены подчиниться им, если не обратим на все это должного внимания.

Далее, у нас есть основание жаловаться в отношении отдельных лиц: во-первых, относительно генералов армии, положение которых прямо противоречит тому, что ваши просители подразумевают в своем Народном соглашении; во-вторых, относительно судей и казначеев; далее, относительно пяти бывших членов палаты лордов, которые отказывались одобрить ваши постановления и мероприятия относительно короля и лордов; двое из них были судьями Звездной палаты, принимавшими участие в ее кровавых и цинических приговорах; наконец, относительно не-

которых членов вашей собственной палаты, игравших руководящую роль в переговорах с королем и являющихся виновниками последних событий. Все эти лица, как мы видим, чувствуют себя за последнее время настолько безопасными благодаря могуществу армии и их ежедневным действиям и замыслам, клонящимся к тому, чтобы пленить вашу палату, что они теперь, не опасаясь, могут снять личную с своих планов.

Благодаря Государственному совету вся власть перешла в руки этих немногих лиц — план, который давно и старательно подготавливался ими; когда им удастся полностью осуществить его, следующим их шагом, под предлогом облегчения положения народа, будет роспуск вашего парламента, и так уже наполовину поглощенного названным советом.

Теперь уже нет более никакого препятствия для полного осуществления их конечных целей, кроме еще не забывших своих старых обязательств и обещаний народу *soldat*, которых нельзя отвлечь от этого ни угрозами, ни приманками. Вместе с этою частью армии препятствием для проведения офицерских замыслов является сам народ, который также остается стойким в своих требованиях общественного блага, благодаря чему все планы дурных людей до сих пор и находят еще преграду и разоблачение.

Вот почему вышеупомянутые великие конспираторы, которых мы можем перечислить по имени, так злобствуют и обнаруживают такую все более неистовую ненависть против солдат и народа. На собрании офицеров в Уайтхолле¹ от

¹ Королевский дворец в Лондоне.

22 февраля против сознательной части солдат и других были сделаны резкие выпады и, как это мы знаем из достоверных источников, раздавались настойчивые голоса за то, чтобы побудить вашу палату издать закон о наказании смертью всех тех, которые петициями или каким другим способом думают вносить смуту в настоящие события. А когда на это возражали, что это подлежит ведению гражданских судов, на это был дан ответ, что военные власти повесят 20 человек прежде, чем гражданский судья — одного. На этом же собрании наставали на издании приказов об аресте петиционеров, солдат и других. Эти выступления были явным нарушением ваших верховных прав, хотя офицеры заверяли неоднократно о своей преданности парламенту. Далее командованием армии было издано постановление о запрещении солдатам подавать петиции вам или кому-нибудь другому иначе, как через своих офицеров, и вести с кем-либо корреспонденцию; кроме того, были выданы отдельные приказы на аресты гражданских лиц и солдат во время митингов. Игак, после столь прекрасных многообещающих цветов свободы обнаружился горький плод самого низкого и самого подлого рабства, под тяжестью которого когда-либо стонали англичане.

Тем не менее, вследствие этого удалось ясно и, как думаем своевременно, раскрыть источник, откуда получили свое происхождение все бедствия, затей и планы, которые свыше 18 месяцев внушали подозрение, начиная с первых нарушений обязательств, заключенных офицерами совместно с агитаторами и народом в Ньюмаркете и Трилло-Хиссе. Преследуя свои цели, они [выс-

шие офицеры] нагло выступали против всех тех, кто проявлял ревность к общему праву и уважение к армии, присуждая одних к смерти, других к позорным наказаниям, пазначая и смешая офицеров в зависимости от того, насколько те были согласны или несогласны с их планами, вербуя в армию многих таких, кого они считали хорошими и которые на деле выступали с оружием против парламента. Далее, под предлогом облегчения бремени народа они принялись распускать сверхкомплектных солдат, причем выбрасывали таких, которые были наиболее искренни и активны в борьбе за общее благо. Переформировывая таким образом армию в своих собственных планах и целях, они применяли с величайшей жестокостью военные законы, чтобы сломить дух солдат и подчинить их своему произволу, а также распространяли свою власть во многих случаях на лиц, не принадлежащих к армии. Потом, во время наступления врага, среди трудных обстоятельств, они чрез своих ставленников пожелали примирения с теми, которых в другое время упрекали, позорили и всячески унижали; при помощи разных хороших обещаний и путем приторных раскаяний им удалось заключить союз и получить помощь к великой выгоде для их дела. Когда же трудности были преодолены и враг был разбит, они забыли свои прежние обещания и возобновили свою ненависть и озлобление против тех, кто им помогал, пороча их такими прозвищами, которые, как они знали, наиболее ненавистны народу, как-то: левеллерами, иезуитами, анархистами и роялистами; все эти клички, противоречивые сами по себе, прилагаются ими без всякого основания к людям, пользующимся доброй

репутацией, с явным расчетом на легковерие и деверчивость народа.

Чтобы им было удобнее инсинуировать против нас и чтобы вкратиться в доверие народа и преодолеть внешние трудности, они сумели использовать принципы и идеи, выдвинутые теми людьми, которых они так сильно чернили. Поэтому они особенно порочат этих людей теперь больше, чем когда-либо, так как знают, что те догадались об их планах и могут лучше всего разоблачить их обман. И вот теперь, наконец, будучи совершенно уверены в своем положении, — после того как король смещен, палата лордов уничтожена, давно замышлявшийся ими Государственный совет установлен, а ваша палата одобрила их плачи, — они все острие своей злобы обратили против тех, у которых осталось еще настолько мужества, чтобы выступить за устроение свободной жизни.

Но так как бог сохранил большую часть армии от развращения их коварными замыслами и офицеры не могут без риска для себя применять репрессии по отношению к солдатам, то они решились понудить вашу палату начать набор новых войск, несмотря на настоящее тяжелое положение народа, вынужденного уже содержать большую армию, и, несмотря на то обстоятельство, что, хотя положение республики и опасно и враг еще продолжает действовать, все же эти опасности уравниваются решимостью лучших людей армии отстаивать истинную свободу.

Если офицерам удастся осуществить этот план, ваши просители вправе поставить вопрос: не станут ли тогда офицеры абсолютными владыками, господами и хозяевами как парламента,

так и народа? Не постигнут ли тогда нас крайние бедствия и не будут ли окончательно погублены свободы нашей родины? На что тогда может рассчитывать еще добрый гражданин?

Но до сих пор бог хранил нас, и справедливость наших желаний, равно как искренность наших намерений, с каждым днем все более обнаруживается пред беспристрастными и непредубежденными людьми. Во всяком случае для нас является немалым утешением, что, несмотря на все невыгоды нашего положения (когда у нас нет ни власти, ни влияния — этих идолов мира), наше дело и принципы начинают становиться понятными людям, так что там, где год назад был один, усвоивший наши принципы, теперь, мы уверены, там их сотни; другими словами, хотя мы терпим неудачи, наша правда торжествует.

Мы не сомневаемся, что потомство пожнет благие результаты наших трудов. Хотя мы бесцельны и знаем, что можем за это подвергнуться преследованию, мы все же облегчили нашу совесть и раскрыли пред вами наши сердца, так как хорошо знаем, что если вы используете вашу власть и вооружитесь мужеством, приличествующим людям вашего положения, — вы, конечно, сможете, по милости божией, предотвратить опасность и вред, угрожающие этой поработанной и обманутой нации, и приведете ее в счастливое состояние.

С этой целью мы прежде всего серьезно желаем и предлагаем:

1. Чтобы вы не распускали палату и не расходились до тех пор, пока не убедитесь, что новые представители готовы на следующий же день занять ваше место; на этом вы можете смело

наставать, так как ни в армии, ни где-либо в другом месте нет сколько-нибудь значительного количества людей, которые были бы настолько низки, чтобы смели помешать вам в этом.

2. Чтобы вы осуществили на деле акт о самоотречении¹, самый справедливый и полезный акт, который когда-либо был издан и которого постоянно требовал народ; таким образом будет уничтожен повод для худой молвы о влиянии на вас со стороны могущественных лиц и их опасные планы будут лишены тех средств и возможностей, которыми они располагают в настоящее время во вред государству.

3. Чтобы вы приняли во внимание, как опасно для одного и того же лица быть долго облеченным высшей военной властью, быть наделенным такими долгими и исключительными полномочиями и в столь чрезвычайных условиях, как это было у нас до сих пор и что в истории часто служило источником возникновения королевской или тиранической власти.

4. Чтобы вы назначили комитет из ваших собственных членов, из тех, которые особенно тверды в правилах свободы (которыми вы теперь руководствуетесь); этот комитет должен слушать, исследовать и решать всякие споры, возникающие среди офицеров, а также между офи-

¹ «Акт о самоотречении», изданный в 1645 г., требовал ухода в отставку тех генералов и высших офицеров, которые были одновременно членами верхней или нижней палаты. Акт был проведен по настоянию индепендентов, стремившихся таким путем устранить от командования старое пресвитерианское руководство. В самом начале его действия было допущено исключение в отношении Кромвеля.

церами и солдатами, рассмотреть и смягчить военные законы и позаботиться о том, чтобы они не распространялись на гражданских лиц; комитет должен также отпустить и освободить тех, которые несправедливо пострадали, рассмотрев их дело; необходимо отдельно рассмотреть положение простых солдат как в коннице, так и в пехоте в настоящих условиях дороговизны и увеличить им плату, чтобы они могли жить прилично и честно расплачиваться за свои квартиры. Этому комитету должна быть предоставлена и демобилизация армии, причем в первую очередь должны быть уволены из армии те, которые служили королю.

5. Чтобы была свободна печать, при помощи которой могут быть всего удобней разоблачены изменнические и тиранические планы; эта свобода имеет наиважнейшее значение для республики, и должно запрещать только то, что касается установления тирании: уста врагов всего лучше будут закрыты, если народ получит ощутительные блага от действий своих правителей.

6. Чтобы вы, насколько у вас есть возможность к этому, уменьшили судебные расходы и понизили жалованье судьям и другим властям и чиновникам в республике до минимума, но до приличного размера, обращая излишки в общественную казну, вследствие чего налоги с народа могут быть значительно снижены.

7. Чтобы был распущен постоянный Государственный совет, который по вышеупомянутым причинам угрожает так явно тиранией; текущая работа впредь должна производиться чрез комитеты, назначаемые на короткий срок и таким образом, чтобы они часто и подробно могли от-

читываться пред парламентом в своих поручениях.

8. Чтобы вы опубликовали строгое запрещение и назначили суровое наказание против всех, будь то комитеты, высшие административные власти или офицеры, если они перейдут границы своей должности, правил и инструкций, и ободрили бы всех людей в их жалобах против этих чиновников.

9. Чтобы вы как можно скорее удовлетворили солдат относительно невыплаченного им жалования и народ в отношении публичного отчета, причем этот отчет не должен быть, как раньше, ловушкой для добросовестных людей и защитой для испорченных людей при исполнении ими общественных обязанностей.

10. Чтобы был издан так много раз требуемый народом указ об отмене десятин вследствие крайнего вреда, причиняемого ими.

Все это, вместе с должным уважением, которое вы должны иметь к петиционерам, безотпосительно к их числу и силе, укрепил любовь к вам народа, честных офицеров и солдат, так что вам совершенно нечего будет бояться какой бы то ни было враждебной силы. Но вам для этого необходимо самим постоянно пользоваться своей верховной властью, которой вы обладаете лишь по имени, будучи не в состоянии осуществить ваши собственные справедливые мероприятия. Мы же, с своей стороны, не только будем рады показать свою готовность отдать за вас свою жизнь, но и направим все свои усилия и старания на то, чтобы сделать вашу палату славной для всех будущих поколений.

Вторая часть Новых цепей Англии,

или печальное представление о ненадежном и опасном положении республики, направленное к высшей власти Англии — народным представителям, собранным в парламенте, благонамеренными жителями Лондона, Вестминстера, Соутворка, Хемлеса и других окрестных мест, участвовавшими в составлении и подаче прошлой большой петиции от 11 сентября 1648 г.

Лондон, 24 марта 1649 г.

Если бы наши сердца не были обременены ощущением насоящих бедствий и приближающихся несчастий нации, если бы вы хотя немного обратили внимание на наши прошлые серьезные опасения, — мы бы молчали; но бедствия, опасность и рабство угрожают так сильно, очевидно и непосредственно, что пока мы дышим, мы не можем не говорить; напротив, мы должны громко кричать, пока вы не услышите нас или богу не угодно будет так или иначе помочь нам.

Вы были неправы, не обратив внимания на то, что мы указывали, несмотря на решительный характер нашего представления; что может быть более невероятного, чем то, что парламент, которому поручено было народом освободить его от всякого рода притеснений и за который народ так щедро проливал свою кровь и тратил свое имущество, что этот парламент, став у власти, угнетает его [народ] так же жестоко, как во времена партии Голлиса и Степльтона¹, и так же обращается к армии, как это делали в свое время король и епископы, чтобы опереться на нее и сделать ее постоянной.

¹ Лидеры пресвитерианской партии.

Наши петиции (в которых мы справедливо жаловались на притеснения и предостерегали от угрожающей опасности) теперь сжигаются рукою палача, петиционеров клеймят именами атеистов, еретиков и мятежных сектантов, называют иезуитами и левеллерами.

Клевета — это известное свойство испорченных государственных людей, и обычно она не производит никакого другого результата, как только клеймит самих же клеветников. Все же нашлись многие, которые верили их клевете о нас и ненавидели нас за то, что мы раскрывали их злые и гибельные планы, так же как теперь нас ненавидят другие за то, что мы намерены разоблачать их, так высоко ставших у власти и приобревших столь громкую репутацию. Но теперь совершенно очевидно, что наши враги могут завести нас в еще более опасное положение, чем в каком они нашли нас.

И хотя горький опыт заставил нас понять, что ничего нет более опасного для нашего народа, как терпеть от несправедливости, алчности и честолюбия тех, кого он избрал своими предстателями, — все же мы воздерживались выступать со своими замечаниями и прогивопоставлять свои суждения их планам, пока они не сделали еще больших шагов к нашему рабству и не обнаружили стремления захватить в свои руки власть в армии, чтобы таким образом установить над нами свою тиранию, так что теперь, быть может, даже поздно сгнать преграды их злым намерениям. Как это нам ни неприятно, все же мы должны признать, что эти люди, которые раньше делали вид, что они борются за свободу в целях уничтожения общественных бед-

ствий, оказались способными *быстро выродиться и усвоили грубейшие принципы и практику старых тиранов.

Наша совесть свидетель тому, что мы совершенно не хотели верить их дурным намерениям, так как в прошлом они не только в высшей степени мужественно и успешно боролись против нашего общего врага¹, но и, казалось, были чутки к несправедливости и измене той партии, которая раньше преобладала в парламенте²; они взяли на себя обязательства и выполнили их, насколько могли, так, как будто они действительно стремились освободить нацию от этого опасного рабства, почему мы и доверяли им, решив рискнуть своею жизнью, а многие из нас даже и пожертвовали ею.

В самом деле, так могущественны, убедительны и удовлетворяющи были их первые обязательства, представления и протесты, так были они проникнуты принципами самоограничения, так они стремились к миру нации и удовлетворению всех народных интересов, что убаюканный ими и жаждущий мира народ погрузился как бы в сон, возложив всю заботу на Армейский совет. Народ не мог допустить мысли, что они³ уклонятся от этих принципов или откажутся осуществить столь многие обязательства и обещания, сделанные пред лицом всевидящего бога, к которому они так часто взывали и который знает все сердца и знает

¹ Под «общим врагом» здесь и в других местах Лильберн имеет в виду кавалеров.

² Т. е. партии пресвитериан.

³ Здесь и дальше Лильберн имеет в виду вождей независительской партии и в частности генералов и офицеров парламентской армии.

искренность и чистоту каждого человека. Мы сами (хотя всегда относимся к ним с некоторой настороженностью) неоднократно готовы были скорее не верить своему собственному разуму, чем делать поспешные заключения из очевидных фактов их измены.

Но вскоре они совершенно перестали считаться с агитаторами и уволили тех офицеров и солдат, которые особенно энергично боролись против пагубных постановлений парламента, твердо держась обязательств, принятых в Нью-Маркете и Трипю-Хизсе. В то же время командующие офицеры объединились с лицами, посланными от парламента и лондонского Сити, и дошли до того, что оправдывали негативное «вего» короля и лордов, всячески подавляя тех, кто выступал против.

В то время как мы представляли дело таким образом, что Всеобщий совет армии согласно заключенным обязательствам должен будет состоять из двух офицеров и двух рядовых солдат, выбранных каждым полком, — в действительности этот Совет оказался наполненным полковниками, подполковниками, майорами и другими старшими офицерами, совершенно никем не избранными и совершенно не сочувствующими упомянутым обязательствам. Эти начальствующие лица, проникнув туда в непропорционально большом количестве, фактически захватили в свои руки руководство Советом. И нам теперь совершенно ясно, что создание Государственного совета было хитро задумано не кем иным, как этим Армейским советом.

Погом нам пришлось наблюдать, как генералы не только ухаживали за королем, целуя его руку и пр., но и вели с ним переписку и обвинялись взаимно агентами; в конце концов сбли-

жение генералов с королем дошло до того, что король не только одобрял их предложения, но даже редактировал их прежде, чем отсылать их палате, — так они соответствовали его целям и прерогативам. Не ограничиваясь этим, генералы заключили соглашение с враждебно настроенными лондонскими горожанами, не пригласив при этом агитаторов на совещание.

Не удивительно, что после всего того, что мы видели, слышали и наблюдали, мы поколебались в нашей вере в их честность.

Из этих и других многочисленных примеров, о которых мы могли бы подробно рассказать, мы сделали вывод, что Армейский совет управляется не выбранными лицами и не в тех целях, которые были провозглашены прошлыми обязательствами, но что им управляют силы, стремящиеся совсем к иным целям, и использующие все средства к тому, чтобы сделать безрезультатными честные стремления добрых людей как в армии, так и вне ее и обратить успех, которым бог благословил нас, к своей собственной выгоде и господству.

И чем далее шло время, тем становилось все очевиднее, что они стремились только стать у власти, совершенно забыв о выполнении данных когда-то обещаний и обязательств, о надеждах народа на армию, о мире и безопасности государства; они не руководились ни законами, ни принципами, ни честью, ни совестью, но (как настоящие политиканы) лишь случаем и тем, что может помочь осуществлению их планов. Такое поведение они называют «подчинением провидению» (a waiting upon providence), чтобы таким образом ссылок на религию им было легче обмануть нацию

И чтобы все это не могло быть сочтено за клевету, мы умоляем вас беспристрастно рассмотреть последние их поступки.

Еще в Книгстоне агитаторы и их друзья в Лондоне, Соутворке и окрестностях предлагали, чтобы Тоуэр, Сити и предместья его охранялись их собственными благомыслящими жителями, а не солдатами, чтобы таким образом торговля и промышленность были в полной безопасности. Такое предложение объяснялось как нашим уважением к Лондону и его пригородам, так и нашим опасением тирании, ибо из практики других тиранов мы знаем, что установление гарнизонов в больших городах приводит народ к полной бедности и продолжительному угнетению. Но это предложение, хотя оно и было принято агитаторами, все же было отвергнуто высшими офицерами, и был сформирован новый полк к еще большему отягощению республики, а тех, кто возражал против гарнизонов, осыпали упреками, исключали из числа агитаторов и подвергали другим репрессиям, о которых нельзя было даже узнать.

Но самое любопытное — это то, с каким уважением генералы относились к королю в Хемптон-Корте. Они сами посещали его и позволяли тысячам народа ежедневно приходиться и видеть короля, целовать его руку и искать от него исцеления¹, в результате чего королевская партия в Лондоне и других местах была весьма ободрена,

¹ По существовавшему в средневековье поверью (в Англии, Франции и других странах), короли как «божьи помазанные» обладали чудотворным даром исцелять волотушных (так называвшаяся «королевская болезнь»).

и королевских агентов можно было встретить в главной воспной квартире так же часто, как при дворе.

Потом, когда они неожиданно обнаружили, что палата не согласна с их планами, они поспешно постановили, что палата должна быть подвергнута чистке. По этому поводу ими была опубликована большая ремонстранция от 18 августа [1647 г.], в которой они доказывали необходимость этого акта; но стоило палате снова пойти навстречу генералам, причем она нисколько не уничтожила коррупцию своих членов, как они нашли, что чистка для них будет невыгодной, они отложили в сторону свое прежнее постановление и продолжают заседать в палате в том виде, как она есть.

После этого они опять занялись королем. Они снова послали ему ньюкестльские предложения¹, хорошо зная, что он не подпишет их; в то же время они надавали королю так много обещаний, так обнадежили его перспективой реставрации, что он все более склонялся в сторону армии, выражал генералам свое благорасположение и в своем ответе палате отдавал предпочтение предложениям генералов пред предложениями парламента. В действительности, гранды армии сами желали возобновить переговоры; некоторые из них в палате яростно выступали против предложения о прекращении всяких переговоров с королем, заявляя, что таково мнение всей армии и что иначе они не гарантируют парламенту под-

¹ Мирные предложения, посланные парламентом королю в Ньюкестль еще в начале июля 1646 г.; переговоры и переписка на основе их происходили в течение всего 1646 и 1647 гг., не приведя ни к каким результатам из-за непримиримости короля.

держки армии; в этом духе они принялись затем обрабатывать людей в армии, составили петицию от имени армии, а добрые, но слабые люди дали себя увлечь, подписав эту петицию, которая затем и была представлена палате.

Эти страшные и таинственные события совершенно изменили положение вещей в армии: многие офицеры и целые полки, презрев всякие угрозы, выбрали новых агентов, чтобы следить за текущим моментом, так как солдаты опасались, что стране угрожает крайняя опасность. Большую часть офицеров нельзя было никакими средствами заставить признать, что армия солидаризируется с королем, а агенты¹, пайдя, что все прежние обязательства, обещания и декларации нарушены и совершенно отвергнуты и что государство дошло до крайней степени опасности, — составили Народное соглашение, основанное на принципах равного права в целях объединения всего неразвращенного народа. Гранды армии вначале всячески возражали против этого, так как Народное соглашение совсем было не в их интересах, но, видя, что оно принято армией, они заявили, что, хотя их взгляды и не совпадают с теми, которые выражены в Соглашении, они тем не менее не будут противиться ему.

После этого весь план их сразу меняется: самым главным для них стало — как бы им выпутаться из положения и отделаться от короля, с другой стороны, они задались целью скомпрометировать и подавить сознательную партию в армии. Для разрешения первой задачи они задумали перевести короля на остров Уайт, где им

¹ Представители полков, составлявшие так называемый Всеобщий армейский совет.

можно было бы легче изолировать его от других людей и таким образом самим целиком завладеть им. А чтобы он согласился добровольно отправиться туда, они использовали его страх, внушив ему, что на него готовится покушение, и убедив его переместить свою резиденцию. Для большей вероятности они заставили подполковника Генри Лильберна¹ оклеветать своего брата Джона (который тогда особенно стоял на пути грандов), что будто тот замыслил убить короля; для доказательства этого они никогда не осмелились заставить этого клеветника выступить публично (хотя по этому поводу многими благомыслящими людьми и подавались петиции); за эту услугу они продвинули его по службе, назначив его комендантом Тайнмаузского замка, обойдя при этом права другого его брата Роберта², где этот юноша за свое огступничество, виновниками которого были генералы, потерпел заслуженное наказание, как вероломный изменник. При этом они хотели убить двух зайцев сразу, выдумав для нас имя, которое всего более ненавистно народу и поэтому могло породить веру в предполагаемое убийство. Здесь, между прочим, мы хотели бы отметить что слово «левеллеры» придумано и присвоено как раз тем в армии (и в других местах), которые борются против всякой тирании, будь то тирания короля,

¹ Младший брат Джона Лильберна; в 1648 г. перешел на сторону роялистов и сдал им Тайнмауз, но вскоре был убит при обратном взятии замка парламентскими войсками.

² Старший брат Джона Лильберна, полковник парламентской армии, горячий сторонник Кромвеля, в 1649 г. участвовал в чрезвычайном суде над королем.

парламента, армии, Государственного совета и пр., и хотя не так многие верят этому, как об этом думают сами выдумщики, все же они и их агенты старательно распространяют эту и подобную им клевету в расчете на легковерие и доверчивость народа.

Но вернемся к прерванному. Итак, король был удален; тогда они решили, что настала пора расправиться со сторонниками Народного соглашения, и со всей яростью обрушились на них. На первом же армейском собрании близ Уэра был расстрелян один солдат за то только, что он настаивал на осуществлении ньюмаркетских обязательств и на принятии Народного соглашения. Член вашей палаты майор Скотт подвергся недостойному обращению и был заключен в тюрьму, его и полковника Рэйнсборо обвинили в сочувствии Народному соглашению; полковника Эйрса, майора Кобетта, капитана Брея и многих других заключили в тюрьму в Уиндзор, где офицеры, выступая в качестве тяжущихся сторон, судей и жюри, делали, что хотели: одних приговаривали к смерти, других — к позорным наказаниям, допуская такой произвол, какого еще никогда не было на свете. Этому можно бы было не поверить, если бы мистер Солмарш и другие исчерпывающе не засвидетельствовали их жестокости. После этого им удалось провести постановление о заключении в тюрьму пяти честных граждан за то, что они выступали в защиту Народного соглашения и требовали возмездия за кровь солдата, расстрелянного в Уэре; эти граждане были уволены со службы и, по сведениям лондонских агентов, им запрещено было выступать на митингах.

Когда же генералы решили, что армия реорганизована в соответствии с их планами и что

поддерживавшие их офицеры удовлетворены жестокими мерами против левеллеров (а левеллерами они прозвали всех, кто высупает в защиту идей общего права), они нашли, что им нечего больше ждать от короля в смысле получения от него богатства, почестей и власти и что им невозможно будет удержать в своем повиновении своих офицеров и солдат в случае союза с королем. Поэтому они сразу опрокидывают все надежды короля и дают перевес в палате предложению о прекращении с ним всяких переговоров; теперь они отбросили свою прежнюю угодливость по отношению к королю и его партии и снова обнаружили притворство и злоупотребление доверием армии; это заставило всех проникательных людей понять, что им надобно порвать с такого рода людьми, у которых нет совести и которые нарушают свое слово.

Следующим их делом была перемена управления в лондонском Сити. Для этой цели они, к великому неудовольствию жителей Сити, ввели в Уайгхолл и другие места несколько полков конницы и пехоты; еще большее раздражение было произведено заключением в Тоуэр (без всякого суда и несмотря на поданные петиции) лондонского лорд-мэра и нескольких ольдерменов; арестованные были потом переданы суду лордов вопреки известному закону страны, но после того как они отказались от такой юрисдикции, они были без всякого суда освобождены от ареста. Это было явным террором по отношению к Сити, равно как и смена городских властей, произведенная ими в целях подчинения управления Сити своим целям.

Около этого же времени они начали применять свою военную власть к лицам, не принадлежащим

к армии; так, был приговорен к смерти в Уайт-холле мистер Уильям Томпсон. А затем снова началось переформирование армии. С этой целью высшие офицеры под предлогом уменьшения государственных расходов (как будто вновь набранный полк для Тоуэра не был тягостью) стали распускать лейбгвардию. В действительности это было сделано потому, что эти части состояли из наиболее сознательных лиц, верных своей стране и прежним обещаниям. Подобным же образом многие другие добрые люди были выброшены из других полков. Это был план путем чистки лучших и наиболее решительных людей превратить армию в банду наемников, рабских исполнителей низких желаний и незаконного произвола кучки людей.

Когда же эти добрые люди оказались быть распущенными, ссылаясь на пьюмаркетское соглашение (где говорится, что пока цели не будут вполне достигнуты, армия не должна быть распущена), — генералы стали применять тиранические меры, арестовывая их и приговаривая к смерти. А ведь когда-то сами они отказывались распустить армию (несмотря на приказание парламента) по тем же самым мотивам и в силу того же обязательства! Из всего этого очевидно, что они, согласно принципу полигиканов, считают себя совершенно свободными там, где другие люди чувствуют себя связанными, и что для них обязательства имеют только временный характер и характер простой церемонии, а хорошим и справедливым для них является только то, что содействует их коррупции и их ближайшим честолюбивым планам.

Таким образом наиболее удобный случай, какой когда-либо представлялся Англии для восстановления нашей свободы, был упущен благодаря их

указанным изменчивым решениям и произвольным, неоправдываемым разумом поступкам. В результате этой борьбы партий дошла до крайнего обострения, а над народом прямо издевались, обманывая его красивыми обещаниями, и все это делалось под личиной религии. И вот армия, которая лишь несколько месяцев тому назад была предметом радости и надежды для всех слоев сознательного народа, теперь стала, если так можно выразиться, посмешищем и позором для всей нации. Дело дошло до того, что если раньше для солдат ничего не жалели (в надежде на их добрые обещания и декларации), то теперь этим солдатам стали отказывать даже в хлебе и готовы были забросать их камнями всюду, куда они приходили.

Торговля остановилась, бедность возросла, число недовольных увеличилось, и, наконец, вспыхнул такой пожар, какого еще никогда не было; и нет сомнения, что это было лишь естественным результатом того страшного разочарования, которое охватило нацию и которое ведет к всеобщему восстанию и бунту, т. е. к тому, к чему не могли привести даже прежние политики. Нация теперь находится в большей опасности, чем тогда, когда ей угрожали насилия и замыслы ее врагов. И все это должно быть приписано несправедливым, преступным и вероломным действиям этих людей.

Но когда они [офицеры] неожиданно увидели, что им угрожает серьезнейшая опасность от врагов¹, они, которые прежде проявляли вели-

¹ Лийбберн имеет далее в виду события так называемой второй гражданской войны (весной 1648 г.), когда роялисты подняли мятеж сразу в нескольких местах Англии — Уэльсе, Кенге и на границах Шотландии; мятеж был поднят также во флоте.

чайшее упрямство, теперь серьезно стали раскаиваться (что, как доказывает последующее, впрочем, также было лишь притворством). Видит бог, как нам хотелось верить им и их искренности. С выражением величайшей скорби они признали, что они руководились гнилыми принципами политиков; что они заслужили порицания за свои действия против честных людей, что они называли левеллеров иезуитами и другими бранными словами, но что впрямь этого от них уже никогда не услышат, и что если нации суждено быть счастливой, то лишь при условии принятия левеллерских принципов. Они призывали всех забыть всякие несогласия, простить взаимные обиды и объединиться всем против общего врага, чтобы, если богу будет угодно (при наших соединенных усилиях), освободить нас от этого моря опасностей; они торжественно заверяли, что никогда не отступят от справедливых принципов, никогда не будут преследовать честных людей, не будут замыкаться в особую партию и т. д., но будут всецело руководствоваться Народным соглашением для будущего устройства мира этой нации.

Как они выполнили свои обещания, это будет видно, если мы беспристрастно рассмотрим дальнейший ход событий, доказывающий их новое падение и раскрывающий их крайнее лицемерие. Лишь только (по милости божией и с помощью наших друзей) они закончили кольчестерскую кампанию, они немедленно привлекли к ответственности ряд лиц, выступавших в Сент-Ольбансе в защиту капитана Рейнольдса; последние предпочитали скорее лишиться службы, чем быть под командой жестоких офицеров, которые, кроме того, на коленах пили за здоровье короля и заявляли,

что они скорее готовы сражаться против левеллеров, чем против кавалеров. Обвиняемые были приговорены к смерти, но вскоре освобождены. Мы считаем, что такого рода дисциплина ведет лишь к удручению и понижению духа английского народа. Далее, так как полковник Рейнсборо когда-то противодействовал их несправедливым действиям, они выбросили его, под благовидным предлогом, из армии, предоставив ему номинальное командование морскими силами; здесь, вследствие узких полномочий, предоставленных ему как адмиралу, он не мог управлять ни кораблями, ни офицерами, почему и не был в состоянии подавить мятеж и, по желанию моряков, был удален с должности. По его возвращении, высшие офицеры, найдя, что он попрежнему непреклонно противится их целям, назначили его на опасную и тяжелую службу под Помзрет. Он отправился туда с большой неохотой и недоумевая о причине такого назначения. Своим друзьям он откровенно говорил, что его душа предчувствует несчастье, которое потом действительно и разразилось¹. Но что особенно заставляет огорчаться его друзей и подозревать, — это то, что его брат не только не получает помощи, но скорее встречает всяческие помехи в поисках и преследовании виновников этого кровавого и бесчеловечного убийства.

На севере ввиду боевых действий и недостатка армии левеллеры (как их называют) сначала пользовались покровительством; они были отправлены в Бузм, где, забыв все прежние обиды и оскорбления, мужественно рисковали своей жизнью, ни-

¹ Рейнсборо был убит 29 октября 1648 г. бандой роялистов.

сколько не подозревая об обмане и вероломстве. Когда же опасность миновала и враги были подавлены, они снова впали в немилость и стали предметом еще большей ненависти и презрения, чем раньше.

Во-первых, были подвергнуты штрафу многие солдаты за подачу петиции в пользу майора Рейнольдса о том, чтобы он был назначен вместо майора Хентингтона, причем им угрожали раскроить черепа, а некоторых из них подвергли побоям. Далее, был смещен майор Джон Кобетт, несмотря на то, что он с исключительным мужеством отвоевал Тайнмаузский замок, от какой-либо операции отказался его непосредственный начальник. Вместо него комендантом замка был назначен один член парламента вопреки акту о самоотречении. Наконец, майор Уайт, который выполнял самые рискованные операции на севере в качестве подполковника и одновременно нес обязанности майора, в полку генерала Ферфакса, за то, что он был человеком непоколебимых взглядов, был лишен должности подполковника и получил назначение в другой полк. Так поступали они не только в отношении этих джентльменов, но и всех других, офицеров и солдат, на севере и на юге, так как политика их Совета была одинакова здесь и там.

И как раньше, лишь только был достигнут первый крупный успех против Сити, когда народ с законным правом ожидал, что столь славное и неожиданное благословение божие будет использовано к благу и выгоде республики (как на это давали право надеяться их последние раскаяния, обещания и заявления), события обнаружили, что генералы стремились к совершенно иному. Они

с еще большею наглостью вернулись к своим прежним намерениям стать абсолютными господами над республикой, но здесь они встретили одно существенное препятствие: единодушное и всеобщее выступление жителей Вестминстера, решивших напролом защищать свое дело.

Это особенно выяснилось при подаче петиции в сентябре прошлого года, где содержалось требование о принятии Народного соглашения, от которого генералы и офицеры не могли еще отречься.

Тогда офицеры снова закричали о единении и приказали своим агентам собирать митинги и договариваться с теми, которые раньше всех стояли за Народное соглашение и которые включили в петицию 11 сентября основные требования этого Соглашения.

На деле и это было не чем иным, как маневром со стороны офицеров, чтобы ошеломить деятельную и бдительную партию и усыпить ее, в то время как они будут продолжать по частям выполнять свою работу.

Внешне казалось, что они только и заняты Народным соглашением, в действительности же это было только забавой, обманом и надувательством по отношению к тем людям, которые искренне желали проведения Народного соглашения в жизнь. Офицеры затемнили, запутали смысл Народного соглашения, сократили его и извратили во многих отдельных пунктах, хотя постоянно клялись, что очень желают его. Тем временем отвлекши внимание добрых людей, они тайно и спешно преследовали совершенно другие цели. Тогда добрые люди, убедившись, что офицеры преследуют чуждые им цели, принялись со всей искренностью вырабатывать свой совершенный и

полный проект Народного соглашения, включив в него все основные свободы и все требования об устранении общественных бедствий, как это пространно излагала петиция 11 сентября.

Многие из этих петиционеров выражали желание, чтобы Народное соглашение было принято без каких-либо особенных и жестоких судебных процессов, как это имело место недавно, без введения армии в Лондон, без раздробления палаты, без предания короля суду чрезвычайного трибунала, чего никогда не было в истории английского правления.

Петиционеры правильно предвидели, что офицеры своим мнимым сочувствием к Народному соглашению хотят лишь обмануть народ. Действительно, установление господства в Государственном совете и через него во всей стране — вот что было главным делом, чего домогались и к чему стремились офицеры. Они низлагают короля, уничтожают палату лордов, терроризируют палату общин и сводят ее до роли канала, чрез который проводятся декреты и постановления тайного совета кучки офицеров. Одновременно с этим они создают свою судебную палату, свой Государственный совет и провозглашают народ верховной властью, а парламент — высшим авторитетом.

Все эти мероприятия (многие из которых были предметом желаний благомыслящих людей), однако, были проведены в такой форме, что содействовали исключительно целям офицеров, устраняя все, что стояло на их пути к власти, богатству и господству.

И хотя все это нами предвиделось, все же так показались убедительны их внушения для многих добрых и благомыслящих людей из на-

рода, как солдат, так и других, что они действительно поверили офицерам, стали надеяться на них и сочли, что не могут лучше использовать свое время и способности, как оказывая им всяческую помощь и поддержку.

Единственно, чего боялись офицеры, это того, что им помешают наши разоблачения их лицемерия и предательства и что нам будут верить в этом.

С этою целью они прежде всего строгими мерами заставили замолчать печать; далее они обрушились на нас клеветой и всякого рода ложными допосами, какие только могла изобрести их злоба против нас. И так чудовищно низки были очи в этой травле, что старались проникнуть во все наши дела, использовали всякое наше знакомство и дружескую близость, и в заключение выставили против нас такие скандальные обвинения, какие обыкновенно выставлялись лишь прежними государственными деятелями и которые, если их исследовать, противоречат друг другу и ни в малейшей степени не соответствующи действительности.

Этими средствами они снова укрепили свою власть, до тех пор пока бог не воздвигнет против них наших врагов как заслуженное наказание за их низкое отступничество или пока их многочисленные и жестокие насилия настолько умножатся, что народ сам сбросит их с высоты узурпированного ими величия.

Они уже потеряли любовь народа и держатся теперь одной силой; те немногие добрые люди, которые еще поддерживают их, когда-нибудь поймут, орудием кого они являются; поймут, насколько прогизорчили их интересам содействию

планам кучки этих надменных и властных людей и как легко для них обречь свои способности и силу к лучшему, к целям, преследующим благо общества и выраженным в их прежних обязательствах. И когда жалобы отягощенного народа и их собственное сознание уяснят добрым людям это, они будут жалеть, почему они так долго уклонялись от истинного пути, и тогда они обратят все свое мужество и энергию на то, чтобы освободить свою угнетенную страну от того страха и пленения, под тяжестью которых она теперь стонет.

Правящие офицеры говорят о свободе, но какая это свобода, если они заставили замолчать печать, которая по праву является и считается у всех свободных народов самым существенным признаком свободы? Не напоминают ли они этим Иуду-предателя, величайшего преступника и злодея, которого даже епископы и Звездная палата постыдились бы признать своим.

Какая это свобода, когда честных и достойных уважения солдат присуждают к позорным экзекуциям, заставляют их проезжать публично верхом с лицом, обращенным назад, и ломают мечи над их головами только за то, что они подали петицию, в которой защищали свободу? Разве это не новый способ сокрушить дух английского народа, чего никогда не снилось ни Страффорду¹, ни архиепископу Лоуду? Мы, право же, не видим никакой разницы между теми и другими.

Так же в отношении свободы совести. Что мы можем ожидать здесь, судя по делу одного

¹ Страффорд — министр Карла I, проводивший с особым упорством политику абсолютизма; Долгим парламентом был привлечен к ответственности за нарушение законов и 12 мая 1641 г. казнен.

достойного члена вашей палаты, если будет продолжаться их господство?

Что касается заключения мира, то какого мира можно ждать, если высшие офицеры армии господствуют в вашей палате и в Государственном совете и являются всем во всем в Армейском совете, если военная власть в действительности господствует над властью гражданской? Мы открыто признаем, что мы не видим, чтобы что-нибудь делалось для достижения мира, мы видим только, что народ ежемесячно облагается громадными налогами, как будто война стала единственным ремеслом страны или как будто народ обязан содержать армию, независимо от того, хорошо у него идут дела или плохо, есть у него хлеб или нет.

И относительно благополучия нации, — что сделано в этом направлении? Ничего. С того времени, как офицеры стали у власти, только увеличились злоба, ненависть и вражда, которые породили наши прошлые несчастные разногласия. Офицеры как будто полагали все свое счастье во всеобщем разделении нации, не содействуя ни в малейшей степени делу примирения, не заботясь о том, чтобы сделать народ веселым и довольным, что приводит к успеху в делах и изобилию, не стремясь к тому, чтобы были забыты отдельные печальные воспоминания и устранены различия партий. Ни о чем об этом не заботятся, а делают лишь то, что ведет к озлоблению народа, этому источнику беспорядков, бедности и нищеты.

Разве не увеличилось бремя налогов оттого, что судьям, являющимся их креатурой, было назначено жалованье по 1 000 фунтов в год, не счи-

тая обычных судебных доходов? Судебные пошлины давно уже считаются тяжелым бременем; но было ли произведено какое-либо их сокращение или что было сделано по борьбе с судебной волокитой? Коснулись ли они такого всеобщего бремени, как десятины, разъедающей подобно язве промышленность и сельское хозяйство? Или что они сделали в отношении акцизов, которые за счет желудка трудящихся и бедняков обогащают ростовщиков и прочих жадных червей республики?

А что они сделали для установления свободы торговли, для уничтожения невыносимых таможенных пошлин? Ничего, кроме того, что посадили сотни новых жадных мух на старые язвы народа.

Что существенного предложили они вам в своей последней петиции, за которую вы так много благодарили их? Вы назвали их желания умеренными и скромными, когда из ее содержания очевидно, что офицеры намерены только закрыть рты своим солдатам и погрузить их в приятную дремоту, в то время как сами они заняты своими планами установления абсолютного господства. А где их судебное обвинение против исключенных членов вашей палаты? Почему они не находят в своей среде преступников, раздававших должности своим креатурам и родственникам? Почему они не привлекают к ответственности тех, которые раздавали щедрые подарки с ежегодными доходами в сотни и тысячи фунтов в то самое время, когда государственный кредит поколеблен, а многие семьи вынуждены голодать, до крайности разоренные участием в гражданской войне? Почему они терпят тех, которые незаконно разда-

вали во владение епископские и делинквентские¹ земли? Вместо этого они сами приобрели в короткое время крупнейшие поместья, — факт, на который следует особенно обратить внимание.

Почему также они не протестовали против главного судьи и других высших судей за то, что те сохранили за собой свои должности, хотя эти должности были пожалованы им (как и многим другим) парламентом, когда в нем заседали исключенные ныне члены? Почему они не привлекают к ответственности тех вероломных людей, которые бессовестным образом изрушали закон о самоотречении? Не является ли причиной их молчания здесь то, что эти люди — их креатуры и что в этом деле они сами заинтересованы?

О, несчастная Англия, которая видит это и все же терпит таких несносных хозяев!

Чего же можно ожидать от таких офицеров, которые, как это часто обнаруживалось, жаждут крови народа и солдат, наиболее активно борющихся за общую свободу, мир и благоденствие республики?

Или чего можно ожидать от Армейского совета, который требует от верховной власти издания закона, в силу которого совет офицеров мог бы присуждать к смерти всех гражданских лиц, вносящих, по его мнению, смуту в армию?

¹ Делинквенты — «преступники» — одно из названий роялистов. Чтобы переложить на роялистов расходы по ведению гражданской войны, парламент, начиная с 1643 г., подверг секвестру (аресту) земли делинквентов в дальнейшем (с 1646 г.) значительная часть этих земель государством была распродана и перешла в руки нового дворянства и буржуазии. Раздача в виде подарков конфискованных земель обогатила немало членов самого парламента.

Конечно, все это только обнаруживает их истинную сущность, их внутренние намерения и стремления, которые со всею очевидностью свидетельствуют пред вами и всем миром о том опаснейшем положении, в каком когда-либо была нация.

Если у вас есть еще совесть, то все, что мы вам здесь сказали и что вам самим прекрасно известно, не может не произвести глубокого впечатления, если только вы не сообщники их планов и не находитесь во власти немногих испорченных личностей.

Впрочем, может быть, наша столь долго обманываемая и несчастная нация находится в столь отчаянном положении, что среди вас не найдется уже и одного, который был бы верен тем известным принципам, какие еще звучат в ушах каждого человека по всей стране и на которые вы, из-за страха или низкого пресмыкательства, закрываете свои глаза. И все же мы не раскаиваемся в том, что мы изложили здесь или в наших предыдущих петициях. Наоборот, мы особенно радуемся тому, что мы явились свидетелями истины и разоблачителями их обманных и вероломных планов, имеющих целью обмануть и поработить государство их гордости, честолюбия, страстям и жадности и установить тиранию (если не герцогскую или королевскую власть). Из последних их действий можно ясно заключить, что власть в конце концов будет единоличной. Какова будет ее форма, это покажет время (если только им в этом не помешают); во всяком случае, для нас одно ясно, что наше будущее так плохо, как это только может быть.

Но мы уверены, что в вашей палате есть еще члены, добросовестно выполняющие обязанности

высшего народного представительства, которое действительно и реально принадлежит всем всем в целом.

Кто бы мог против этого возразить? Ни измена, ни насилие не могут лишить вас этого высшего авторитета. Но если даже вы все заражены коррупцией, — чего не дай бог, — мы и в таком случае не будем жалеть о том, что мы представили здесь и опубликовали. Ведь это откроет глаза и поднимет дух всех добросовестных людей, как солдат, так и народа, и заставит их так остро почувствовать опасность угрожающего им рабства, что эти люди, эта шайка офицеров никогда не посмеет осуществить свои негодные намерения.

Величайшим позором является то, что им [офицерам] позволили зайти так далеко. Ни одна партия не является столь виновной, как эта партия. В самом деле, король и его партия были вовлечены в гражданскую войну вследствие их ложного воспитания, условий их жизни, духа времени (хотя это, конечно, не извиняет его и его партию). Так же Голлис и его партия применяли меры насилия против народа, верного республике, из ложной ревности против так называемых сектантов и в целях установления пресвитерианского единообразия (хотя это очень мало извиняет их преступления). Однако ни та, ни другая из этих партий не нарушала так открыто столь многие и великие обязательства любви и уважения к народу, как сделала эта партия, ибо намерения и стремления этих людей поработить республику и увековечить ее бедствия, без обращения малейшего внимания на дороговизну и упадок торговли, превосходят по своему характеру и размеру всю порочность обеих первых партий, взятых вместе.

Обсудив это должным образом и перечислив все их вероломные и изменнические действия в отношении армии, парламента и государства, мы, в интересах самих себя и в интересах всего благомыслящего народа, пред вашей почтенной палатой и пред лицом всемогущего бога протестуем против их [офицеров] вероломного отношения к армии, против роспуска совета агитаторов и против захвата ими власти и распространения влияния армии на парламент и народ; против расстрела солдат в Уэре и жестокостей их по отношению к другим лицам с целью смирить дух солдат и сделать армию послушной исполнительницей их планов; против их безответственной политики по отношению к королю и его партии, — политики, приведшей нацию к новой и опасной войне.

Мы протестуем также против их приговорного раскаяния, совершенно недостаточного по сравнению с их отвратительными преступлениями, и против их последних чрезвычайных актов: против введения ими армии в Лондон (к еще большему разорению торговли), против раздробления палаты¹, причем ни одному члену не было предъявлено обвинение в отдельности. Мы протестуем также против чрезвычайных судов и их смертных приговоров с единственной целью достигнуть таким образом абсолютного господства.

Мы протестуем против создания высшей судебной палаты как учреждения несправедливого самого по себе и опасного в будущем, так же, как и против Государственного совета, считая его противоречащим тексту даже того Народного соглашения, которое представлено вам офицерами.

¹ Лильберн имел в виду «чистку» парламента, произведенную Прайдом 6 декабря 1643 г.

Мы выступаем, наконец, против всяких митингов офицеров вроде того, который был в четверг 2 февраля [1649 г.] и на котором была принята резолюция о кровавом законе, угрожавшем виселицей всякому, кто, по их мнению, вносит смуту в армию. Мы считаем, что совет офицеров не обладает властью ни выражать настроение всей армии, ни судить гражданских лиц, ни вмешиваться каким бы то ни было образом в дела государственного управления в большей степени, чем это могут делать простые солдаты и гражданские лица.

Мы протестуем против всего этого, как несправедливого, отвратительного и опасного, и объявляем, что если мы теперь не получим справедливого удовлетворения или помощи, то мы не остановимся пред тем, чтобы, когда сочтем удобным, снова притти и просить вас об этом справедливым удовлетворении.

В заключение наших суждений мы заявляем, что мы с удовольствием подчинились бы почтенной палате, если бы высокая рука офицеров не владела вами. Поэтому мы и спешим воззвать к новому представительству, справедливо избранному, как это выражено в наших серьезных пожеланиях, представленных вам. Кроме того, мы желаем, чтобы вы предложили армии выбрать представителей, состоящих из лучших лиц, избранных каждым полком, как это было в Нью-Маркете.

Мы скорее просим не принимать решения нескольких офицеров за настроение всей армии; офицеры армии имеют не более власти издавать законы для армии, чем государственные чиновники, назначенные исполнять законы в интересах народа. Те и другие учреждены только для поддержания дисциплины и управления.

Мы надеемся, что вы ускорите дело с Народным соглашением и, в соответствии с нашими пожеланиями, выраженными в наших петициях, быстро рассмотрите его и осуществите его требования и тем предотвратите угрозу надвигающегося рабства.

Манифест подполковника Джона Лильберна,

мистера Уильяма Уольвина, мистера Томаса Принса и мистера Ричарда Овертона, заключенных в лондонском Тоузере, и других, обычно (хотя и несправедливо) именуемых левеллерами, ставящий целью опровергнуть многочисленные клеветы, направленные против них для того, чтобы сделать их ненавистными для мира и опасными для государства, и удовлетворить и заверить всех тех, к благу которых направлены все их предложения и желания и интересы которых являются конечной целью их общественных обязательств.

(14 апреля 1649 г.)

Ни один человек не рождается исключительно для самого себя, но связан законами природы (касающимися всех), законами христианства (которым мы обязаны подчиняться как христиане) и законами государства и правительства, чтобы направлять наши усилия к увеличению общего счастья, касающегося одинаково как других, так и нас самих. Поэтому и мы (в меру разума, данного нам богом) старались, конечно, с недостатками, но с полною искренностью, вывести из общественных бедствий такое сочетание свободы и блага для народа, которое хотя бы в какой-

либо степени смогло возместить многие пережитые народом бедствия и страдания. И хотя в этой своей деятельности до сих пор мы пожинали одни лишь упреки и ненависть за наши добрые намерения и встретили жестокие преследования со стороны наших властей и правителей, — все же это ничто по сравнению с тем, что выстрадал наш святой учитель и его ученики, и нам, как в этом мы были всегда уверены, не смогут нисколько поменшать в исполнении нашего долга, поскольку мы находим внутреннюю поддержку в нашей невинности и нашей совести. Конечно, очень тяжело, — и мы это прекрасно понимаем, — быть все время в борьбе с миром, лишая себя наслаждения тем благополучием, которое было бы доступно нам при других условиях: поэтому, если бы мы слушались только самих себя и стремились к собственному покою, мы никогда бы не занялись тем, что мы все время делали в интересах общества. Но после того как так много было сделано для восстановления нашей свободы, мы увидели, что бог благословил нас, послав нам удачу, и мы получили возможность, которую народ ждал в течение шестиг веков, сделать эту нацию действительно счастливой и вполне свободной. Поэтому мы считаем себя связанными величайшими обязательствами, какие только могут быть, и не можем пренебречь таким случаем и позволить (насколько это в наших силах), чтобы пролитая кровь напрасно была разлита по земле подобно воде и чтобы после столь великих несчастий, какие только когда-либо на земле происходили, результатом была лишь мнимая, номинальная, случайная перемена, а настоящие бедствия, притеснения и рабство продолжали бы суще-

ствовать даже после того, как монархия была заменена республикой.

Конечно, все это касается нас не больше, чем других людей, и мы могли бы нести это ярмо так же, как и другие, но поскольку на каждом лежит общественный долг беспокоиться за судьбу своей страны, особенно в тот момент, когда в ней устанавливается новый образ правления, а другие люди проявляют небрежность, то мы полагаем, что в этих условиях от нас требуется большая бдительность и внимание, которые если не приведут к тому хорошему устройству, какое должно было бы быть, все же не сделают новое правление таким дурным, каким оно могло бы быть, если бы мы занимались только своими частными делами и занятиями.

Хотя мы лично можем пострадать, все же нашим утешением будет то, что от этого несколько выиграет государство, и мы не сомневаемся, что когда-нибудь, в свое время богу угодно будет разогнать тучи бесчестия и клеветы, нас окружающие, и он укрепит наши сердца и дух в общественном деле, так что все добрые люди в конце концов протянут нам руку дружбы и будут жалеть, что они так долго чуждались нас и так несправедливо о нас думали.

Мы не сомневаемся в том, что со временем они сами поймут причину несправедливого отношения к нам и что эта причина заключается не в наших действиях, а в их ложном представлении о наших поступках и в неправильных толкованиях всего того, что мы делаем и говорим. Было бы полезно в наших собственных интересах ничего не говорить, так как мы верим, что стыд и христианский долг удержат людей от оскорб-

ления тех, которые пользуются добрым именем и репутацией, а искренность наших поступков сама обнаружит их клевету и помешает народу верить всему этому; но мы видим, что наши враги с великой страстностью распространяют о нас все, что только может нас дискредитировать в глазах других, а наше молчание лишь способствует усилению дурных слухов о нас. Всюду, где распространяются слухи и ведется пропаганда против нас (как среди тех, кто нас знает, так и среди тех, кто нас не знает), возникает подозрение, что в наших планах есть что-то большее по сравнению с тем, что мы открыто выражаем, и что в наших мыслях есть что-то опасное и им еще неизвестное. В то же время другие выражали недовольство и недоумение, что никто не знает, чего же мы собственно хотим и какие конечные цели мы ставим. Наконец, те, которые совсем не знают нас, распускают самые невероятные слухи, что будто мы хотим уравнивать состояния всех людей, что мы не хотим иметь никаких сословий и званий между людьми, что мы будто не признаем никакого правления, а стремимся лишь к всеобщей анархии, что будто в действительности мы были агентами сначала короля, а потом королевы, что будто мы — атеисты, противники священного писания, иезуиты и т. д., что особенно ненавистно и пользуется дурной репутацией среди людей.

На все это можно бы не обращать внимания, помня, что таков удел всех добрых людей, если бы вред, получающийся от этого, был только личным, но поскольку цель этих слухов та, чтобы нанести вред республике, — мы вынуждены открыть наше сердце и поведать всему миру наши

сокровенные мысли, чтобы покончить со всей клеветой против нас и ясно изложить, каковы наши желания и к чему мы стремимся. Мы заявляем, что все, что мы собираемся здесь представить на общественное рассмотрение и суждение, не есть догматическое или учительское изложение выводов из мыслей других людей, но изложение наших собственных мыслей для нашего оправдания и установления всеобщего союза и нового государственного порядка.

Во-первых, является настоятельно необходимым, чтобы мы высказались относительно уравнивания (levelling), под которым обычно понимают выравнивание состояния отдельных людей и отмену права собственности и титула на то, что каждый человек имеет как свою собственность. Как прежде мы уже высказались против таких взглядов, в частности, в нашей петиции 11 сентября [1648 г.], так и теперь мы объявляем, что всякая попытка в этом направлении была бы весьма вредной, если только на это не будет получено всеобщее согласие со стороны всех и каждого в народе. Точно так же мы никогда не считали, что это входит в компетенцию народного представительства, ибо хотя власть представительных учреждений верховна, тем не менее по своему характеру она представительна и доверительна, а следовательно, должна быть ограничена непосредственно или само собой подразумевающимися определенными частными случаями, что является залогом безопасности и свободы как народа, так и самого правительства.

Коммунизм первых христиан был добровольный, а не принудительный. Они приносили и полагали к ногам апостолов дары для распреде-

ления, движимые чувством милосердия и небесного великодушия, которое святые апостолы внушили им, а не в силу какого-нибудь постановления, причем это имело место лишь в течение короткого времени, в двух-трех случаях, как об этом свидетельствует писание, и не признавалось обязательным, а считалось добровольным актом, вызванным изобилием веры у христиан и апостолов. Поэтому мы объявляем, что у нас никогда не было в мыслях уравнивать состояния людей и наивысшим нашим стремлением является такое положение республики, когда каждый с наибольшей возможной обеспеченностью пользуется своей собственностью. Мы знаем очень хорошо, что во все века те люди, которые выступали на борьбу против тирании, против несправедливости и произвола страстей, всегда вынуждены были терпеть подобные клички, так как подобными инсинуациями и страхом мнимой опасности всегда старались удержать народ от добра. Как бы то ни было, мы должны, несмотря ни на что, выполнить свои обязанности; как это будет достигнуто, — это зависит от воли божьей, милосердию которого мы и оставляем просвещение человеческих душ, стремясь самим к душевному спокойствию и мирной совести.

Различия по рангу и достоинствам мы потому считаем нужными, что они возбуждают добродетель, а также необходимы для поддержания властей и правительства. Мы думаем, что они никогда не стремятся поддерживать честолюбие или угнетение народа, а только сохраняют должное уважение и покорность в народе, что является необходимым условием для лучшего исполнения законов.

То, что мы стоим за правительство, а не за

анархию, обнаруживается, как мы полагаем, всеми нашими действиями; цель наша — усовершенствовать правительство, а не разрушить его; нам известно, что порок и подкупность всегда свалили себе прочное гнездо в человеческих учреждениях, и хотя тирания и исключительно плоха, однако из двух крайностей анархия самая худшая. Из того факта, что мы серьезно боролись за установление хорошего правления, делают стран- ный вывод, что будто мы не хотим иметь ника- кого правительства; это все равно, как если бы нас обвинили в том, что мы вырываем дерево с корнями, в то время как мы обрезаем сухие и лишние ветви и прививаем ветви лучшие.

Так превратно понимают и ложно толкуют наши действия пред всем миром, и нам приходится терпеть это, пока богу не угодно будет в свое время раскрыть это грубое заблуждение; пока же даже добрые люди сторонятся нас.

На те низкие подозрения, выставляемые не- которыми, что будто мы являемся агентами ко- роля и королевы, мы считаем достаточным ска- зать лишь следующее. Хотя мы и не проявляли особого неистовства против личностей короля и ко- ролевы или их партии, стараясь скорее убедить их, чем уничтожить, однако мы твердо знаем, что са- мые принципы и идеи управления, наиболее враж- дебные прерогативе или интересу короля, возникли и исходят от нас; многие из этих принципов в на- стоящее время взяты и осуществлены на практике теми лицами, которые раньше были напуганы ими и весьма упорно боролись против них. Этого мы считаем достаточным, хотя можно было бы ска- зать гораздо больше, чтобы очистить нас от обвинения в связи с **роялистской партией**.

Подобным же образом выдвигается обвине- ние, будто мы являемся орудием других лиц, цели которых совсем иные, чем это представляем мы сами. На это мы отвечаем: этого не может быть, потому что все, что мы делаем, исходит от нас, и если рассмотреть все наши поступки, то можно убедиться, что они ведут лишь к об- щему благу нации.

Все наши желания, петиции и заявления са- мым прямым образом противоположны всякому корыстному интересу и они пользуются доверием лишь людей известных с хорошей стороны и честных, которые дали неоспоримое доказатель- ство любви и преданности к своей стране; кроме того, то, что мы предлагаем, это хорошо не только по внешности, но и по существу; мы ру- ководимся не низкими принципами обычных поли- тиков, но излагаем ясные и простые мысли без всяких инсинуаций, надеясь исключительно на то, что они сами возбудят к себе явное и общее доверие; именно эти соображения побуждают нас и руководят в нашей деятельности. Таким образом это обвинение совершенно неоспова- тельно, но явно вымышлено, как мы полагаем, с тою целью, чтобы заставить нас бояться друг друга и сделать нас бессильными в борьбе за те хорошие мероприятия, которые ведут к сво- бode и счастью республики.

Что касается того, что будто мы иезуиты по организации или по принципам, как это часто говорят о нас, мы на это заявляем, что простого отрицания этого обвинения будет едва ли доста- точно, но мы, по крайней мере, можем сказать, что те лица из нас, которым эта кличка в первую очередь приписывается, — люди женатые и ни-

когда не выезжали из Англии, а ведь известно, что в этом ордене брак никогда не разрешается и в орденов принимают лишь те, кто лично является для посвящения в Рим. Это оскорбительное обвинение, против которого нам легко было бы возразить, мы могли бы обойти молчанием; мы считаем, что даже самое упоминание об этом пред обществом будет уже ответом нашим хулителям и заставит их устыдиться своих низких методов, которыми они пользуются для дискредитации добрых людей.

Что касается иезуитских принципов, мы заявляем, что не знаем, каковы они; о иезуитах лишь всем известно, что они отличаются чрезвычайной хитростью и пользуются приемами чисто мирской политики, а по тому самому совершенно отличны от наших, простота и очевидность которых проявляется во всех наших поступках.

Что же касается того, что нас объявляют атеистами и противниками священного писания (антискриптуаристами), мы заявляем, что верим в существование вечного и всемогущего бога, создателя и промыслителя всего на свете, воля и намерение которого, начертанные прежде всего в наших сердцах, а затем уже в его благословенном писании, должны направлять наши действия и поведение. Правда, мы не так строги в том, что касается формальной и обрядовой части служения богу; тот или иной способ или манера богослужения не кажутся нам ясно обоснованными и такими необходимыми, как на то претендуют служители бога и священники; — все же явление божественной любви во Христе радостно принимается нами и практическая, самая существенная часть религии, отражена в наших

принципах, самых возвышенных и превосходных, какие когда-либо были выставлены в мире, и происходящих или от кого иного, как от бога, который сам по себе есть благо. И мы только благоговейно желаем, чтобы господь с каждым днем все более совершенствовал наши сердца и склонял их к искреннему повиновению его благой воли.

Если же выставляют причиной нашего недоброжелательства настоящим положением вещей то, что не нас предпочли на государственные должности и посты, связанные с выгодой и известностью, то на это мы заявляем, что хотя и нет никаких оснований к тому, чтобы мы не имели на них таких же прав, как и другие, и наша привязанность к общественным делам, конечно, не является препятствием к этому, — тем не менее, мы можем сказать о себе, что у нас нет такого стремления и жажды занять их, как у других: по крайней мере, в списках просителей мест очень немногих можно встретить из числа тех, которые считаются принадлежащими к нашей партии.

Мы жалуем, что предпринята такая общая замена должностных лиц, которая может внести много затруднений в наше общее дело; мы считаем, что для всякого рода отставки основанием должны служить не различия во мнениях религиозных или гражданских, а подкупность или утрата доверия их избирателей. Учитывая нищету, которая постигла многие семьи в связи с этими перемнами, и несогласия, возникшие на этой почве, мы считаем необходимым, что должны быть использованы все разумные пути и средства для утращения этих несогласий, ведущих к раздорам.

Затем говорят, что будь мы у власти, мы сами стали бы вести себя как тираны; мы признаем, что факты нередко подтверждают это, и люди крайне меняются, став у власти; последнее обстоятельство делает нас недоверчивыми даже к самим себе и заставляет не доверять нашим собственным резолюциям, если в них будет что-нибудь противоречащее нашим принципам, но как раз по этому самому мы и предлагаем установить такой порядок, который, сдерживая людей, не давал бы им возможности нарушать права отдельных лиц или вредить обществу, исключая крайнего случая или явной опасности. Мы можем ответить на этот упрек еще тем, что мы вовсе не стремимся к власти для себя самих, наши принципы и желания отнюдь не свидетельствуют о нашей заинтересованности; мы вовсе не думаем, что такой порядок можно осуществить, опираясь на силу или на принуждение, но только благодаря врожденному и убеждающему могуществу, присущему всякому добру и справедливости, которые прокладывают себе путь в сердцах и обеспечивают себе там прочное существование. Это лишь и помогает нам теперь, по существу совершенно беззащитным и испытавшим столько разочарований, продолжать быть настойчивыми в наших действиях и желаниях на благо народу. Ведь сколько бы ни пытались это отрицать, действия против нас не могут быть объяснены иначе, как отдачей нас на убийство такими людьми, которых мы считали за друзей, братьев других церквей и которым с истинной любовью когда-то в самое трудное время оказали многие услуги. Все это и все, что только может быть совершено против нас, мы будем считать только

признаком нашей искренности, и это нисколько не заставит нас отказаться от нашего долга.

Что касается недоумений, которые существуют у многих добрых людей, заявляющих, что им непонятно, какую цель преследуют наши предложения и что в них главное, — мы на это ответим, что они должны были бы получить некоторое общее представление о нас из того, что мы прежде, в разное время, предлагали. Но так как наши предложения до сих пор не получили такой формы, чтобы их можно было осуществить на практике, то мы теперь со всей тщательностью и умением, насколько бог наделил нас, перерабатываем их в программу (a Modell), которую скоро представим на всеобщее рассмотрение и обсуждение, как зная и окончателное выражение наших желаний, и которая должна быть подписана и представлена как договор всего народа. Мы думаем, что мы можем это сделать без нанесения ущерба и вреда властям, ибо мы не знаем ничего лучшего, и, действительно, нет никакого иного пути и средства, кроме Народного соглашения, для того чтобы уничтожить всякого рода разочарование и озлобление и поставить республику в наилучшие условия вечного мира и хорошего общественного устройства.

Народное соглашение, представленное его превосходительством и офицерами армии почтенной палате общин, говорит во многих отношениях слишком кратко сравнительно с нашим проектом о том, что необходимо для блага республики и удовлетворения народа, особенно в том, что обеспечивало бы устранение извешных и общепризнанных бедствий. Хотя Народное соглашение в такой форме имеет свои недостатки, все же,

если бы оно было осуществлено, мы едва ли возражали бы против его проведения в жизнь, так как в нем заключаются многие важные вещи, полезные для республики. Но видя, что время, назначенное для его осуществления, истекло и что большинство народа не одобрено и не одобряет его по вышеуказанным мотивам, мы решили принять новое Народное соглашение, включив в него такие изменения, какие считаем существенно необходимыми для благосостояния, обеспеченности и безопасности народа; кроме того, мы добавляем в него те оторые пункты об устранении тех тягот и нужд, которые могут быть уничтожены без какого-либо вреда для общего хода государственных дел.

И так как основной чертой нашего Народного соглашения является его происхождение от народа, то мы намеренно отказались от представления его парламенту. Мы считаем, что его следует спешно разослать для подписания всем народом, чтобы затем прямо провести его в жизнь, не прерывая, однако, деятельности настоящего парламента, пока не наступит время, установленное в Народном соглашении для созыва нового представительства. При такой непосредственной преемственности государственные дела не будут приостановлены или прерваны.

Наконец, мы думаем, что о нас ошибочно судят, считая нас негерничими и нестойкими в наших принципах, касающихся общественного блага. Таким людям мы отвечаем, что если бы у нас была уверенность, что то, что мы желаем, может быть сделано как-либо иначе или кем-нибудь другим, и если бы мы уже не видели, как многие хорошие вещи раньше обещались, а потом от них

отказывались, то мы не выступали бы так серьезно и упорно за их осуществление.

С другой стороны, мы знаем, что всегда было обычным для людей, которые никогда не стремились к свободе нации, и прежде и особенно в последнее время, вслещки оттягивать реформу, до тех пор, пока они не будут достаточно сильны, чтобы полностью отказаться от нее. Однако самый главный мотив наших действий в данном случае это то, что мы предпочитаем путь Народного соглашения всякому другому.

Итак, весь мир может ясно видеть, кто мы и к каким целям стремимся. Мы — простые люди и от всего сердца ненавидим всякие планы и заговоры, ведущие к дурным последствиям. Мир и свобода — вот наша цель; через войну мы ничего не достигли и мы не хотим ее; мы еще до сих пор терпим рабство, но мы желаем, чтобы то, что прошло, было забыто, лишь бы только государство было реформировано в должное время. Этого мы желаем от всей души; мы не относимся с неаппетитом к взглядам других и уважаем их, если они ведут к благо республики; это есть самая дорогая для нас истина.

*Из Тоузера 14 апреля 1649 г.
Джон Лильберн, Уильям Уольвин,
Томас Принс, Ричард
Овертон.*

Соглашение свободного народа Англии,

предложенное в качестве мирного средства несчастной нации подполковником Джоном Лильберном, мистером Уильямом Уольвином, мистером Томасом Принсом и

министром Ричардом Овертоном, узниками в лондонском Тоузре, 1 мая 1649 г.

Блаженны миротворцы, ибо они сынами божними нарекутся. Еванг. Мат. 5, 9.

После длительной, утомительной, в высшей степени неестественной, жестокой междоусобной войны, вызванной беспорядками и раздорами среди нас самих, возникли новые смуты из-за неопределенности нашего образа правления и неограниченности произвола со стороны тех, кому была поручена высшая или низшая власть; в результате этого мы испытали многочисленные бедствия и невыносимые притеснения.

После восьмилетнего опыта и ожиданий улучшения в результате предпринятых трудов и примененных средств мы пришли к заключению, что наши раздоры скорее увеличились, чем уменьшились, и что если не будут спешно приняты меры против того, чтобы мы снова впали в разделение, то мы будем не только лишены благоденствий всех тех чудесных побед, которыми удостоил нас бог в борьбе против тех, которые стремились нас поработить, но и подвергнем себя сначала бедности и несчастьям, а потом будем уничтожены внешними врагами.

Мы серьезно желаем справедливо использовать тот благоприятный момент, который бог даровал нам, чтобы сделать нацию свободной и счастливой, примирить наши разногласия и породить любовь и дружелюбие между нами, чтобы мы могли быть чистыми в своей совести пред всемогущим богом, как свободные от пристрастия к каким-либо извращенным интересам и частным выгодам, и мы свидетельствуем пред всем миром, что наши желания происходят не от злобы к кому-

нибудь и не из ненависти к отдельным мнениям, но в целях установления мира и благоденствия республики, для предупреждения раздоров и устранения всех других бедствий.

Мы, свободный народ Англии, которому бог дал мужество, средства и благоприятный случай осуществить все это, мы делаем это, подчиняясь божьей мудрости, желая достичь справедливости в похвалу и славу божию.

Мы заключаем взаимный договор об установлении правительства, уничтожении всякой произвольной власти, ограничении как высшей власти, так и всех подчиненных ей властей и удалении всех общеизвестных бедствий.

Таким образом, мы объявляем и публикуем пред всем миром, что мы согласились принять следующее:

I. Верховная власть в Англии и входящих в нее территориях должна принадлежать отныне народному представительству в составе четырехсот человек, но не более; в выборах их должны иметь свой голос, согласно естественному праву, все люди в возрасте 21 года и выше (за исключением слуг, лиц, живущих милостью, и тех, кто служил бывшему королю оружием и добровольными пособиями); указанные лица имеют право быть выбранными в это верховное представительство, кроме служивших королю, которые лишаются этого права сроком на десять лет. Все, касающееся распределения названных четырехсот депутатов между отдельными частями страны, назначения избирательных пунктов, определения способа голосования и тому подобного, что предполагается совершенной и равной системой выборов, а также вознаграждения депутатов, — все это

предоставляется установить этому настоящему парламенту, чтобы будущие представители имели полную возможность безопасно собраться в назначенное время; в дальнейшем все это должно быть еще более улучшено будущими парламентами.

II. Двести из четырехсот членов, но не менее, должны приниматься и считаться за компетентное представительство, а большинство их голосов должно признаваться решением нации; место заседания и избрание председателя со всеми подробностями предоставляется усмотрению этого и будущих парламентов.

III. Все должностные лица должны быть подотчетны парламенту, и не может быть места никакой клике, руководящейся испорченными интересами; никакой офицер из наемных отрядов в армии или гарнизонах, ни казначей или сборщик налогов не могут быть выбраны членами парламента, и если когда-либо будет выбран юрист, он должен прекратить свою судебную практику на время своих полномочий. Только таким образом все люди будут способны как к подчинению, так и управлению.

IV. Ни один член настоящего парламента не может быть избран в члены последующего парламента, ни член будущего парламента в парламента, непосредственно за ним следующий, но чтобы его не выбирали пока не пройдет срок одного представительства; ни один член парламента не может быть сборщиком, казначеем или другим чиновником во время своего депутатства.

V. Чтобы избежать многих опасностей и неудобств, вытекающих ясно из длительного пребывания у власти одних и тех же лиц, мы решили,

чтобы настоящий парламент прекратил свою деятельность в первую среду августа 1649 г. и с этого времени не имел власти; чтобы к этому времени были закончены выборы нового и равного парламента согласно этому нашему Соглашению и чтобы он мог собраться и приступить к власти, как настоящий, действительный парламент, в первый четверг того же августа 1649 г.

VI. Мы согласились, что если настоящий парламент откажется издать приказ о выборах и созыве нового представительства или если встретятся какие-нибудь другие препятствия к созданию представительства, — в таком случае мы проведем выборы в будущий парламент в тех местах и согласно тем правилам и числу депутатов, как это было принято при выборах в парламент рыцарей и горожан, наблюдая только, чтобы были лишены права выбирать и быть выбранными лица, упомянутые в первой, третьей и четвертой статьях настоящего Соглашения. Было бы в высшей степени неразумным, чтобы мы удерживались от новых частных, следующих один за другим, парламентов и чтобы высшая власть оставалась в руках тех, которые обнаружили неприязнь к общей свободе и пытались установить рабство нации.

VII. Чтобы предотвратить такое положение, когда высшая власть могла бы попасть в руки тех, которые не имеют права выбирать или быть избранными, мы решили и согласились, если богу будет угодно, чтобы новое представительство собралось в первый четверг будущего августа; причем организационные собрания для выбора председателя и всего прочего предоставляются его решению; однако в осуществлении своей власти народные представители должны исходить

из директив и правил этого Соглашения. В этом направлении им поручается установить, как они найдут наиболее подходящим, правила будущего равного распределения округов и выбора членов, как этот вопрос рассматривался и разрешался еще в настоящем парламенте.

VIII. В тех целях, чтобы верховная власть навсегда оставалась в руках лишь тех, кто имеет право быть выбранным, мы постановляем, чтобы следующий и все дальнейшие парламенты обладали полной властью в течение одного года и чтобы народ имел возможность выбирать парламент ежегодно так, чтобы депутаты могли собираться и сменять каждый предыдущий парламент в первый четверг каждого августа на вечные времена, если это будет угодно богу; чтобы следующий и каждый будущий парламенты, когда они соберутся, продолжали свои сессии без прерыва в течение, по крайней мере, четырех месяцев, после чего они могут устраивать перерыв приблизительно на два месяца, если это найдут нужным, пока не пройдет годовой срок; но они не могут заседать более года под страхом обвинения в государственной измене каждого депутата, превысившего срок полномочий; во время перерыва между сессиями не следует создавать какой-либо особый Государственный совет, но управление на это время должно быть поручено комитету депутатов; последнему должны быть даны инструкции и наказ, отнюдь не противоречащие настоящему Соглашению.

IX. Чтобы отныне никто не мог быть в неведении или сомнении относительно полномочий высшей власти и дел, ей подведомственных, мы заявляем, что власть парламентов будет распростра-

няться, не нуждаясь в согласии или содействии какого-либо другого лица или лиц, на следующее:

1) на сохранение мира и развитие торговли с иностранными нациями;

2) на сохранение безопасности нашей жизни, личности, свободы, собственности и имений согласно Петиции о праве, составленной и изданной в третий год правления бывшего короля;

3) на увеличение в стране денег, равно как и на все, что способствует этому или ведет к расширению нашей свободы, уничтожению общественных бедствий и благоденствию государства.

Для обеспечения этого, поскольку мы имели печальный опыт наблюдать господство испорченных людей, облеченных высшей властью, мы, чтобы предотвратить это, в целях защиты нашего мира и свободы, объявляем, что:

X. Мы не уполномочиваем и не поручаем нашим представителям сохранять в силе или издавать вновь законы, присяги или кovenанты, в силу которых люди подвергались бы наказаниям за дела веры, религии или богопочитания или им не дозволялось бы исповедывание их веры и соблюдение религии соответственно их совести, ибо ничто еще не причиняло больших раздоров и ненависти во все века, чем преследования и гонения в отношении совести и религии.

XI. Мы не уполномочиваем их принуждать кого бы то ни было к военной службе на суше и на море, ибо только сознание каждого отдельного человека может решить справедливость того дела, за которое он будет подвергать опасности свою жизнь или убивать других.

XII. В целях умиротворения всех разногласий и уничтожения всякой вражды и злобы мы

согласились, чтобы, считая с роспуска настоящего парламента, никто не подвергался преследованиям за все то, что он говорил и делал в отношении прошлых междоусобных войн или за какие-либо политические несогласия, кроме как по законному преследованию и постановлению настоящего парламента против тех, которые содействовали королю в его борьбе против народной свободы и против чиновников, присвоивших общественные деньги.

XIII. Отныне должны быть отменены и впредь не применяться всякие привилегии, изъятия каких-либо лиц из-под действия законов или обычного хода судебного процесса в силу какого-либо держания, пожалования, хартии, патента, звания или в силу рождения или местожительства, или в силу права убежища, парламентской привилегии и пр.

XIV. Мы не уполномочиваем наших представителей производить суд в отношении какого-либо лица или имения, если на этот счет не было закона, и не даем права никакому другому суду или судебной власти делать это, ибо там, где нет закона, нет и преступления вследствие неведения людей и властей; равным образом не уполномочиваем наших представителей вмешиваться в исполнение какого бы ни было закона.

XV. И в целях устранения всех давних бедствий и чтобы, насколько это в наших силах, уничтожить причины всех жалоб и не зависеть от желания парламента в этом отношении и не отягчать его петициями за петициями, как это было до сих пор и не приводило ни к каким результатам, мы согласились и объявляем следующее:

XVI. Будущие парламента не имеют власти наказывать или заставлять наказывать кого-либо

за отказ отвечать на вопросы против самих себя в уголовных делах.

XVII. Также не входит в их полномочия со времени роспуска настоящего представительства продолжать или создавать такие судебные процессы, которые уже тянутся более шести месяцев, а также продолжать применение законов и вести судебные процессы на каком-либо другом языке, кроме английского; равно они не имеют права воспретить кому-либо защиту им самим его собственного дела или пользоваться другим способом, как это он найдет для себя удобным; практическое оформление этих и других подобных предложений, вошедших в настоящее Соглашение, и тех пунктов, которые не могут быть подробно изложены нами здесь, — все это поручаем мы установить нашим верным представителям.

XVIII. Будущий парламента не имеет права сохранять или издавать законы об ограничении или препятствии какому-либо лицу или лицам в заморской торговле там, где она ведется нашей нацией.

XIX. Парламент не имеет права продолжать взимание акцизов и пошлин за какой-либо род нищи или за какие-либо другие товары и продукты более четырех месяцев с начала будущего парламента, так как все эти налоги чрезвычайно обременительны и стеснительны для торговли, а сбор их обходится столь дорого, что деньги, истраченные на это, почти покрыли бы (если бы они собирались как субсидии) суммы, необходимые для удовлетворения государственных нужд. Все эти налоги взимаются с народа такими тяжелыми и обременительными способами, что необходимо впредь, чтобы они собирались не иначе,

как из равного расчета, в фунтах, пропорционально движимому и недвижимому имуществу каждого человека нашей страны.

XX. Парламент не имеет права издавать такие законы или продолжать их действие, которые освобождали бы от уплаты своих долгов лиц, обладающих имуществом движимым или недвижимым или какою-либо его частью; равным образом не заключать в тюрьму кого-либо за долги, так как это само по себе противоречит христианству, бесполезно для кредиторов и предосудительно и вредно для государства.

XXI. Парламент не имеет права издавать такие законы или продолжать их действие, которые лишали бы жизни кого бы то ни было, за исключением осужденных за убийство или за другие подобные отвратительные преступления, пагубные для человеческого общества, или за попытку силой уничтожить это наше Соглашение; законы могут назначать лишь такое наказание, которое соответствует преступлению; чтобы никакая человеческая жизнь, а также члены тела, свобода и имущество не отнимались по пустым и мало важным поводам, как это было до сих пор; чтобы было обращено особое внимание на сохранение всех слоев народа от развращенности, бедности и нищенства; чтобы имущество уголовного преступника не конфисковалось, кроме случаев доказанной измены, и при всех уголовных преступлениях возмездие должно соответствовать причиненному вреду как в отношении имущества преступника, так и лишения жизни по приговору суда присяжных.

XXII. Парламент не имеет права сохранять или издавать такие законы, которые лишают

кого-либо права иметь свидетелей в судебных процессах, касающихся жизни, членов тела, свободы или имущества. Равным образом никто не должен быть лишен тех привилегий и свобод, которые содержатся в Петиции о праве, изданной в третий год правления бывшего короля Карла.

XXIII. Парламент не имеет права продолжать тягостное взимание десятин далее конца следующего парламента, причем должно дать разумное удовлетворение всем импроприаторам¹; нельзя никого принуждать наказанием или другим каким образом оплачивать содержание священников, если ему не позволяет делать это его совесть.

XXIV. Парламент не имеет права назначать священников в какие-либо приходы; необходимо предоставить прихожанам каждого прихода право выбирать таких священников, которые им нравятся, и на такие сроки и за такое вознаграждение, как это им угодно установить или как они договорятся с тем, кого они выбирают. Необходимо позаботиться, чтобы и здесь избирателями были лишь те, кто имеет право выбирать в парламентах.

XXV. Парламент не имеет права издавать или сохранять законы, устанавливающие какие-либо другие суды, приговаривающие к лишению жизни, членов тела, свободы или имущества, кроме суда двенадцати присяжных-соседей, которые должны выбираться народом свободно и исполнять свои обязанности до конца следующего парламента, и чтобы они не исключались и не штрафовались, как это наблюдалось до сих пор во многих местах.

XXVI. Парламент не имеет права удалить

¹ Импроприаторы — светские владельцы десятины.

кого-либо с государственной должности по религиозным мотивам за исключением тех, кто поддерживает папскую или иную иностранную власть.

XXVII. Парламент не имеет права назначать каких-либо чиновников в графства, сотни, города и местечки; сам народ, имеющий право выбора согласно настоящему Соглашению, выбирает своих должностных лиц и наблюдает за тем, чтобы эти лица соответственным образом исполняли законы в своих местах в течение года, но не более, и так из года в год. Это является специальным средством, чтобы избежать господства кланов и партий.

XXVIII. И чтобы никто не имел справедливой причины жаловаться по поводу отмены акцизов и пошлин, мы согласились, чтобы следующий и все будущие парламенты строго оберегали государственный кредит и полностью удовлетворили за счет казны все гарантированные долги, иски по неуплаченному жалованью и неустойки; чтобы были подтверждены и одобрены все справедливые государственные покупки и контракты, которые были или будут заключены, исключая того, что следующий парламент утвердит или аннулирует в части или в целом в отношении подарков землями, деньгами, должностями и другими средствами, которые были совершены настоящим парламентом в пользу членов палаты общин или палаты лордов или их сторонников.

XXIX. И так как ничто так не угрожает опасности республике, как преобладание военной силы над гражданской властью, мы согласились, и объявляем, чтобы войска собирались лишь парламентом, находящимся в это время у власти, и при наборе войска должны соблюдаться

строго следующие правила: чтобы войска бы и распределены по отдельным графствам, городам и местечкам; чтобы набор, снабжение и оплата производились с должным соответствием к установленному контингенту войск; чтобы имеющие право избирать депутатов парламента имели полную свободу, каждый в своей местности, выбирать и назначать всех полковых, эскадронных и ротных офицеров и увольнять их, если они сочтут нужным, оставляя парламенту выборы и назначение только генералов и старших офицеров, а также руководство, правление и командование всеми войсками, насколько парламент найдет необходимым для безопасности, мира и свободы республики.

XXX. Поскольку из печального опыта мы убедились, что обычно люди очень мало или ничего не изменяют в управлении, превышают свои полномочия и удлиняют их сроки, устанавливают произвольную и тираническую власть и приводят все в состояние анархии и смуты, причем они не подвергаются никаким наказаниям за эти пагубные преступления и проступки, — мы согласились и объявляем, что парламент не имеет права никаким образом отменять, прибавлять или убавлять какую-либо часть настоящего Соглашения, уравнивать состояния людей, разрушать собственность или делать все вещи общими; если какой-либо представитель попытается нарушить это Соглашение, то каждый депутат, присутствующий в палате, не выступивший против или немедленно не опубликовавший о своем несогласии, подлежит обвинению в государственной измене и с ним будет поступлено, как с государственным преступником; если кто силою оружия будет пытаться или стремиться уничтожить Народное соглаше-

ние, то с каждым таким лицом будет поступлено так же, как с государственным преступником.

Если кто силой оружия будет мешать выборам народных представителей, то он будет наказан по уголовным законам, как мятежник. Если какое-либо лицо, не имеющее права быть избирателем или быть избранным, тем не менее примет участие в выборах или если какие лица будут встать на выборах грубо и нарушать порядок, — все такие лица должны быть подвергнуты серьезному допросу и отданы под суд за свои проступки с наложением штрафа или другим каким-либо образом наказаны по решению и приговору суда присяжных.

Все ранее изданные законы и те, которые будут изданы, в будущем, если они противоречат какой-либо части этого Соглашения, должны быть отменены и аннулированы.

Итак, в перечисленных выше статьях мы изложили средства, какие должен употребить свободный народ, которому представился благоприятный случай (и который желает к своей славе воспользоваться им) свергнуть всякое иго и уничтожить всякий гнет, освободить плененных и сделать угнетенных свободными.

Мы надеемся, что бог уничтожит преступления и раздоры и установит окончательный мир и счастье в этой республике, и поэтому со всею сердечной искренностью, пред лицом всемогущего бога, мы свидетельствуем о нашем полном согласии со всем, что здесь написано, в чем и прилагаем свои руки.

1 мая в год господа нашего 1649.

*Джон Лильберт, Уильям Уольвин, Томас
Принс, Ричард Овертон.*